E 40 / 1617

Р 545

В. ВОЛИНЪ.

ДОНЪ И ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ

ОЧЕРКИ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

J51
51'0

БИБЛІОТЕКА
„ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ"
Изд. Б. А. Суворина.
Ростовъ н/Д.
1919 г.

1-й экз с с . фонда

Е40 —
1617

ДОНЪ
и
Добровольческая Армія.

Вл. Волинъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
22570 1924 г.

22570
19. V 24

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

V Сф. 10972

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Антигосударственная, преступная политика революціонныхъ правительствъ съ одной стороны, съ другой—явное предательство разныхъ иноплеменныхъ интернаціоналистовъ, авантюристовъ - большевиковъ, чуждыхъ Россіи, ложью и провокаціей народа дорвавшихся до власти, погубили Россію, заливъ ее кровью гражданской войны.

Событія ясно показали, что всѣ эти властители знали, что они дѣлали, а дѣлали они планомѣрно, цѣлесообразно и систематично. Они отсѣкли голову у арміи, выкинувъ Россію изъ ряда сражающихся и сдѣлавъ ее измѣнницей дѣлу союзниковъ; они разрушили промышленность и торговлю обманувъ политически неподготовленный народъ возможностью осуществленія соціализма въ нашей экономически и политически отсталой странѣ и наконецъ, они выкинули за бортъ всю интеллигенцію, оболгавъ ее передъ народомъ и устранивъ ее отъ всякаго вліянія на жизнь. Наиболѣе невѣжественныя массы сельского и рабоче - городского населенія они систематически развращали, пробуждая въ нихъ темные инстинкты ненависти, жадности, злобы и натравливая ихъ на остальную часть населенія. Они уничтожали лучшихъ, ибо съ уничтоженіемъ ихъ побѣда ихъ была полнѣе. И все это дѣлалось во время войны.

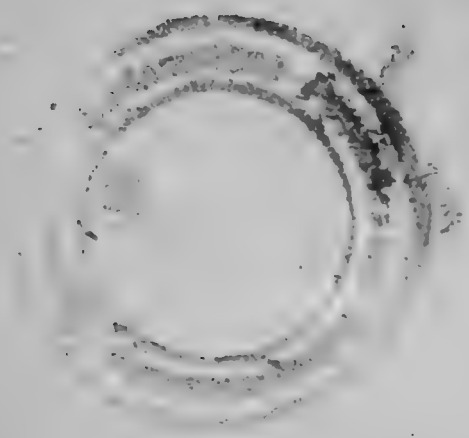
Событія показали также, что весь большевизмъ на Дону, его походъ, распространеніе, побѣда и углубленіе—велись умѣлой рукой, которая дѣлала большевистское дѣло планомѣрно, не стѣсняясь въ средствахъ.

Въ результатѣ Россія упала, въ крови, безсильная, жалкая. Поколѣнія русскаго народа, стоявшаго уже у открытыхъ дверей къ побѣдѣ и могуществу, жестоко будутъ расплачиваться за то къ чему привела Родину „великая“ русская революція, руководимая пріѣзжими интернаціоналистами.

Думается, что для этихъ поколѣній каждая страница революціонной эпохи будетъ поучительна Перечитывая эти страницы, полныя позора, читатель не найдетъ въ нихъ мѣста, гдѣ бы онъ, какъ усталый путникъ, могъ на минуту остановиться и отдохнуть. Пойдетъ онъ по пустынѣ, среди окровавленныхъ обломковъ и дикихъ звѣрей, бродящихъ по ней, Кромѣ нихъ ничего не было, ничего—кромѣ благороднѣйшей, небольшой части нашего офицерства и молодежи, не мирившихся съ позоромъ и предательствомъ Родины, и самой цѣльной и крѣпкой организаціи таковыхъ, въ видѣ Добровольческой Арміи. Въ ней осталась Россія, въ ней жила она и жива была, въ ней же былъ и залогъ ея будущаго. И вотъ, если предлагаемыя короткія записки послужатъ читателю въ знакомствѣ съ обстановкой, въ которой зародилась Добровольческая Армія, съ первыми главами ея исторіи, то это удовлетворитъ автора.

Записки эти, съ сыновней почтительностью неся къ ногамъ своей Родины, авторъ посвящаетъ памяти храбрыхъ, павшихъ за ея поруганную честь и достоинство.

Въ откровеніи Іоанна сказано, что послѣ вскрытія пятой печати души убіенныхъ воскликнули: «Доколѣ, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу?" И даны были каждому изъ нихъ одежды бѣлыя, и сказано имъ, чтобы они успокоились на малое время, пока и сотрудники ихъ, и братья ихъ, которые будутъ убиты какъ и они, дополнятъ число». Время то приходитъ къ концу, число же—къ своему предѣлу и кровь павшихъ будетъ скоро отомщена приходитъ часъ суда и никуда не убѣгутъ отъ него предатели и воры, никуда не спрячутся; а пока, до суда убійцъ, пусть мирно спятъ убіенные. Вѣчная память павшимъ героямъ, смерть пріявшимъ на землѣ Донской и Кубанской! Вѣчная память борцамъ за Россію, которая въ вѣнцѣ терновомъ стояла передъ глазами павшихъ и съ тоской звала ихъ на помощь. На помощь Родинѣ они шли и съ честью умирали за нее, и спятъ теперь орлы боевые, со спокойной душой, съ сознаніемъ исполненнаго долга.



Начало организаціи Добровольческой Арміи.

Общее положеніе въ Новочеркасскѣ.

Бои за Ростовъ.

„А какъ теперича, ты нашъ славный Тихій Донъ,
Теперь ты смутенъ сталъ:
Ой-да помутился ты весь Донъ,
Весь—съ верху до низу, съ низу до верху...“

Преданіе говоритъ, что передъ несчастьемъ, которое идетъ на Донъ, онъ мутится. Прежде чѣмъ говорить объ этомъ несчастіи, придется упомянуть объ октябрьскихъ дняхъ въ Москвѣ, чтобы связать съ послѣдующимъ развитіемъ событій. Исполнительный Комитетъ Совѣта офицерскихъ депутатовъ въ Москвѣ и группа офицеровъ, собравшихся въ Александровскомъ училищѣ еще дня за два до открытія военныхъ дѣйствій противъ большевиковъ, уже свергнувшихъ Правительство въ Петроградѣ и занявшихъ въ Москвѣ Кремль съ арсеналомъ, требовали объявленія военнаго положенія въ городѣ, указывая командующему Рябцеву, что промедленіе поведетъ къ краху, потому что патронные и ружейные склады и артиллерійское снаряженіе уже расхищались для вооруженія рабочихъ массъ. Но онъ, соглашаясь съ ними, отвѣтилъ, что исполнительную власть и отвѣтственность за все беретъ на себя городское само-

управленіе, во главѣ съ городскимъ головой Рудневымъ.

Потомъ уже выдѣлился Комитетъ спасенія, съ представительствомъ отъ „викжеля“ и другихъ общественныхъ организацій, а также правительства— въ лицѣ министра Прокоповича. Послѣ потери двухъ дней въ переговорахъ съ большевиками, которые тѣмъ временемъ сорганизовались и захватили складъ патроновъ у Симонова монастыря, было, наконецъ, объявлено военное положеніе. Начался бой. Патроновъ съ самаго начала не хватало. Многомилліонная Москва, съ безчисленными вооруженными домовыми комитетами, держала нейтралитетъ, предоставивъ кучкѣ молодежи биться съ большевиками. Помощи не было, а на 3-й день выяснилось, что „викжель“ гнусно предалъ, сыгравъ почти провокаторскую роль. Было ясно, что дальше держаться нельзя и сопротивленіе было прекращено. Еще во время военныхъ дѣйствій Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта офицерскихъ депутатовъ былъ посланъ капитанъ А. на Донъ, для выясненія обстановки тамъ, а также узнать, есть-ли какія нибудь основанія для надежды на какую-либо помощь отъ казаковъ, о которыхъ говорили, что они уже идутъ и съ фронта, и съ Дона. Въ эти тяжелые дни хотѣлось вѣрить въ помощь и слухи о ней жадно ловились, но помощи не было. Поднимался вопросъ о выходѣ сражающихся изъ Москвы походнымъ порядкомъ на Донъ, но онъ почему то былъ оставленъ и произошла сдача. Капитанъ А. не успѣлъ вернуться въ Москву, такъ какъ все было кончено. Помощи

отъ казаковъ не было; хотя Калединъ и рѣшилъ двинуть бригаду съ Дона, но услыхавъ о казачьемъ нейтралитетѣ въ Петроградѣ, этого не сдѣлалъ. Не получивъ ничего отъ казаковъ, тѣмъ не менѣе многіе, не желая мириться съ властью и засиліемъ большевиковъ и въ сознаніи гибели Родины, устремились на Донъ, имѣя въ виду то опредѣлившееся, какъ казалось, настроеніе казачества, какъ это проявилось на обще - казачьемъ съѣздѣ въ Петроградѣ, и на Кругахъ, а главное— въ исторіи такъ называемаго „Калединскаго мятежа", созданной маленькимъ адвокатомъ, только что, передъ этимъ, оклеветавшимъ великаго Корнилова*). Съ Калединымъ ему это не удалось. На созванномъ въ сентябрѣ по этому поводу Кругѣ старики держались твердо и плохо пришлось посланнымъ сюда, съ прокурорскими цѣлями, Мазуренко и бывш. министру Скобелеву. Кругъ заявилъ, что дѣло о мятежѣ порождено провокаціей, или является плодомъ разстроеннаго воображенія трусовъ. Немногословная, но сильная, дышавшая искренностью рѣчь Каледина 5-го сентября—эта задушевная простая исповѣдь, произвела большое впечатлѣніе и Кругъ вынесъ рядъ рѣшительныхъ постановленій и требованій къ власти, которая должна быть національной, не связанной никакими организаціями и свободной отъ ихъ вліяній. Были и другія причины упованій на твердость и государственность казачества. Въ это время во Владикавказѣ

*) Керенскому помогалъ Верховскій, молодой и ничтожный карьеристъ отъ революціи, объявившій себя по пріѣздѣ въ Москву соціалистомъ-революціонеромъ и борцомъ со старымъ режимомъ.

закончилась конференція представителей казачьихъ Войскъ и горскихъ народовъ Кавказа, гдѣ и былъ заключенъ союзный договоръ, въ цѣляхъ котораго стояло стремленіе къ образованію порядка и спокойствія на территоріяхъ членовъ союза, и уже съ 17-го ноября въ Екатеринодарѣ засѣдало Правительство Юго-Восточнаго Союза. Вѣсти обовсемъ этомъ естественно создавали тягу на Донъ. И дѣйствительно, съ начала ноября въ Новочеркасскѣ уже существовало общежитіе для пріѣзжающихъ военныхъ, съ подобіемъ организаціи, съ регистраціей пріѣзжихъ, которыхъ было до 200 человѣкъ изъ разныхъ городовъ и фронта. Здѣсь же былъ и посланный изъ Москвы капитанъ А., которому, между прочимъ, М. Богаевскій сказалъ: „Съ Дона выдачи нѣтъ". Для пріѣзжихъ и это было пока хорошо.

Всѣ находившіеся въ общежитіи знали и чувствовали, что гостями они долго не будутъ и должны будутъ принять какую то активную роль въ мѣстныхъ событіяхъ, и дѣйствительно, событія не заставили себя долго ждать. Въ городѣ, въ его сѣверо-западной сторонѣ, называемой Хутункомъ, стояли 272 и 273 пѣх. зап. полки, большевистски зараженные, расшатанные, бродившіе пьяными бандами по улицамъ; порядку и спокойствію города они являлись постоянной угрозой. Какъ разъ передъ этимъ вышелъ приказъ Каледина о расформированіи всѣхъ запасныхъ частей на Дону и увольненіи ихъ въ запасъ. Полки это отказались сдѣлать, и тогда имъ былъ данъ трехднев-

ный срокъ для сдачи оружія. Отвѣта отъ нихъ не послѣдовало. Когда же, распоряженіемъ Атамана, 20-го ноября къ Хутунку была отправлена артиллерійская казачья часть, то выяснилось, что она активнаго участія въ разоруженіи солдатъ принимать не будетъ, и что вообще настроеніе казачьихъ частей опредѣленно отрицательное. Тогда на помощь юнкерамъ и вѣрной сотнѣ былъ двинутъ отрядъ изъ общежитія, который и обезоружилъ быстро полки.

Принятіемъ участія въ этомъ дѣлѣ городъ впервые узналъ о существованіи добровольческаго отряда, который, кстати сказать, обогатился оружіемъ и патронами. До сихъ поръ ни въ газетахъ и вообще нигдѣ не говорилось объ организаціи его, во главѣ которой уже стоялъ ея руководитель и духовный отецъ, генералъ М. В. Алексѣевъ, пріѣхавшій въ Новочеркасскъ послѣ разгона „предпарламента“ и жившій въ немъ инкогнито. Онъ, выпросивъ помѣщеніе бывшаго лазарета, устроилъ общежитіе для пріѣхавшихъ и сталъ на свои средства кормить ихъ. Такъ скромно начала свое существованіе, почти нелегальное, Добровольческая Армія.

Въ это время уже началась работа по посылкѣ агентовъ, разработкѣ плановъ и основъ Добровольческой Арміи, хотя клича по Россіи не было сдѣлано, и только негласно, медленно стали собираться люди съ разныхъ концовъ Россіи. Такимъ образомъ Донъ превратился въ базу Добровольческой Арміи, и понятно почему. Вѣдь Донская область была единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ еще былъ порядокъ и оставалась власть

во главѣ съ извѣстными людьми, въ то время какъ Россія уже тонула въ морѣ большевизма и анархія уже завладѣвала страной. Вотъ почему Донъ представлялся единственно возможнымъ мѣстомъ накопленія силъ и собиранія арміи, мѣстомъ, гдѣ образъ Россіи оставался незагрязненнымъ и откуда могло бы начаться возрожденіе и спасеніе ея. Въ ушахъ русскихъ людей еще звучали постановленія майскаго Круга, а въ нихъ говорилось: «война должна быть въ полномъ согласіи съ союзниками доведена до того момента, когда врагъ приметъ наши условія»; дальше — о борьбѣ съ дезертирствомъ, позорѣ братанія и сепаратнаго мира, и далѣе: «Россія должна быть недѣлимой». Тутъ и телеграмма Бьюконену: „Донское казачество не допускаетъ и мысли, чтобы Родина наша опозорила себя измѣной союзникамъ“ и о томъ, что „казачество не признаетъ захвата власти одной частью населенія».

Таковы были надежды добровольцевъ, а дѣйствительность показала иное. Послѣ разоруженія отрядъ нажилъ себѣ сразу враговъ и по городу пошли темные слухи о съѣздѣ контръ-революціонеровъ для возстановленія стараго режима. Началась работа провокаторовъ; по окраинамъ и базарамъ собирался народъ въ кучи и митинговалъ. Въ воздухѣ пахло не добрымъ. Обнаглѣвшіе переодѣтые матросы, солдаты и просто уголовныя темныя лица дѣлали свое дѣло разложенія невѣжественной массы, что достигалось легко, ибо ничего не противопоставлялось ихъ агитаціи. Интеллигенція молчала, офицерство въ лучшей части

было въ параличѣ, какъ и въ Россіи, а большинство равнодушно жило, не вмѣшиваясь въ роковыя событія. Оно держало нейтралитетъ. Развалъ расширялся и углублялся, а на верхахъ были тоже люди, которые, занимая общественное положеніе и стоя на виду, углубляли революцію. Были свои Керенскіе, Черновы и даже Ленины, но только кустарнаго производства. Сюда относится выдающаяся роль войскового старшины Голубова, авантюриста по натурѣ, безпринципнаго честолюбца, пьяной, разнузданной удалью нравившагося простымъ казакамъ, развращавшаго ихъ и солдатъ и сыгравшаго гнусную роль въ исторіи большевизма на Дону и въ жизни Богаевскаго. *) Въ декабрѣ онъ былъ арестованъ и выпущенъ послѣ честнаго слова, даннаго имъ Богаевскому—не выступать противъ правительства. Сюда же надо причислить и члена правительства, доктора Брыкина, предсѣдателя исполнител. комитета, неумнаго демагога, убитаго неизвѣстными передъ вступленіемъ въ городъ большевиковъ. Атмосфера была достаточно насыщена, Почти одновременно съ разваломъ на Сѣверѣ, какъ оказалось, на Дону уже происходили факты, которые сдѣлались потомъ извѣстными. 11-го ноября начало забастовокъ на рудникахъ, а 16-го на Макѣевскомъ рудникѣ провозглашена уже соціалистическая Донецкая республика. 18-го 272-й полкъ вынесъ резолюцію о непризнаніи власти войскового правительства. Волна аграрныхъ безпо-

---

*) Сентябрскимъ Кругомъ Голубовъ привлекался къ уголовной отвѣтственности.

рядковъ разливалась въ Таганрогскомъ округѣ и, въ довершеніе всего—слухи о карательныхъ отрядахъ, посылаемыхъ совѣтскими властями на Донъ. И дѣйствительно, изъ Петрограда таковой былъ посланъ 17-го ноября. Въ то время политика большевистской власти къ казакамъ установилась опредѣленно; шла большая провокація, начатая еще Керенскимъ. Казачество объявлено контръ-революціоннымъ, въ печати о немъ распространялись темные слухи, какъ напримѣръ о второмъ мятежѣ Каледина, о рѣзнѣ казаками солдатъ, возвращавшихся съ фронта и т. п. Необходимо было во что бы то ни стало натравить солдатъ, рабочихъ и крестьянъ на казаковъ, сопротивленіе которыхъ надо было сломить и уничтожить.

Громадное количество литературы широко распространялось по области и Донъ утопалъ въ ней. Въ ней говорилось о трудовомъ казачествѣ, о Новочеркасскѣ, какъ оплотѣ контръ-революціи, ея „осиномъ гнѣздѣ", объ эксплоатаціи крестьянъ казачьимъ офицерствомъ и правительствомъ. Въ средствахъ не стѣснялись, и нужно отдать справедливость большевикамъ: печатью пользовались они широко, чего нельзя сказать о правительствѣ, которое почти до самаго конца ничего не предпринимало и не дѣлало въ смыслѣ контръ-агитаціи. Въ Петроградѣ въ это время функціонировалъ совѣтъ союза казачьихъ Войскъ, созданный для защиты отъ возможной провокаціи правительствомъ казаковъ, а также для связи съ мѣстами. Члены его, услышавъ объ экспедиціи на Донъ, отправились въ военно-революціонный комитетъ,

гдѣ произошла слѣдующая бесѣда съ Ленинымъ: Делегація: „Чѣмъ вызвана посылка карательной экспедиціи?“—Ленинъ: „Калединъ и Богаевскій ведутъ контръ-революціонную политику, не отвѣчающую интересамъ трудового казачества:“ Ему указываютъ, что они исполняютъ волю Круга. Ленинъ: „Но вашъ Кругъ представленъ лишь офицерствомъ и буржуазными элементами и въ немъ не слышно голоса трудового казачества“. Далѣе онъ говоритъ о яко-бы безправномъ положеніи крестьянъ, о собраніи на Дону контръ-революціонныхъ элементовъ и пр. Впечатлѣніе делегаціи было таково, что разговору Ленинъ не придавалъ значенія, что Донъ опасенъ кому-то и судьба его уже рѣшена. Черезъ 3 дня казачій совѣтъ былъ арестованъ, а вскорѣ вышелъ приказъ Крыленко по войскамъ, съ призывамъ къ борьбѣ съ казаками, гдѣ онъ говоритъ: „Товарищи! съ ними борьба ожесточеннѣе, чѣмъ съ врагомъ внѣшнимъ!“

Въ Ростовѣ, объявленномъ на военномъ положеніи, большевизмъ ходилъ съ поднятой головой. 9-го Калединъ получаетъ телеграмму отъ Черноморскаго флота слѣдующаго содержанія: „Флотъ требуетъ немедленно снять военное положеніе въ Ростовѣ, вывести воинскія части, поставленныя съ контръ-революціонной цѣлью и признать власть за совѣтами рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“. Пережившимъ начало большевизма въ центрѣ была непонятна политика Донского Правительства, нерѣшительная, неопредѣленная. Здѣсь необходимо остановиться на ней, а такъ же на конструкціи власти того времени. Политика

станетъ понятной, если мы вспомнимъ одно мѣсто изъ рѣчи Каледина на сентябрьскомъ Кругѣ: „Понимая, что порядокъ въ Области невозможенъ безъ контакта съ крестьянскимъ населеніемъ, мы всѣ усилія приложимъ къ установленію соглашенія съ крестьянами“. Вотъ Правительство и шло по пути соглашенія, какъ шло и въ Петроградѣ, пока не сдало всѣхъ позицій большевизму. Что же касается конструкціи власти, то она была такова: Атаманъ съ помощникомъ и 14 правителей, выбранныхъ отъ округовъ. Правители выбирались на Кругѣ случайно и они часто бывали безъ знанія элементарныхъ основъ государственнаго порядка, безъ кругозора, подготовки, умѣнія, навыка. Атаманъ не имѣлъ власти и былъ только предсѣдателемъ собраній правительства. Время на нихъ проходило въ безплодныхъ совѣщаніяхъ, разсужденіяхъ, спорахъ; засѣданія иногда проходили въ порядкѣ митинговъ, безъ пониманія элементовъ разбираемаго вопроса. Личной отвѣтственности не было. рѣшались дѣла міромъ; часто занимались выработкой резолюцій съ большой тратой времени, но резолюціи не претворялись въ жизнь, ибо не было достаточныхъ аппаратовъ исполнительной власти на мѣстахъ. Такимъ образомъ дѣловая работа шла медленно, она не ладилась; связи же съ областью, живой и дѣятельной, не было и жизнь шла помимо постановленій и резолюцій правительства.

Насколько оно было на высотѣ государственнаго пониманія момента, видно изъ слѣдующаго примѣра. Во время провокаціи Керенскимъ Кале-

дина, послѣдній объѣзжалъ область. Въ это время въ городѣ была получена отъ кого-то телеграмма о присоединеніи Каледина къ Корнилову. Правительство растерялось и начало рядъ закрытыхъ засѣданій, на которыхъ нѣкоторые члены требовали ареста Каледина, только что выбраннаго Атаманомъ!

Были попытки улучшить положеніе, но ничего существеннаго не было достигнуто, кромѣ созданія, 11-го ноября, экономическаго Совѣта. Въ немъ собрались общественные дѣятели, главнымъ образомъ со стороны пришедшіе на помощь Правительству. Совѣтъ состоялъ изъ 10 отдѣловъ, вырабатывавшихъ доклады, законоположенія, мѣропріятія по порученію Правительства и таковыхъ сдѣлано было, за время существованія Совѣта, 53. Въ этомъ Совѣтѣ была жизнь и шла интенсивная разнообразная работа все время, начиная съ начинки гранатъ и кончая выпускомъ донскихъ денегъ. Этого нельзя было сказать объ остальныхъ органахъ и учрежденіяхъ Правительства. Они носили архаическій характеръ и были неприспособлены къ самостоятельному и независимому отъ бюрократическаго центра функціонированію. Ко всему этому надо добавить, что и финансовое положеніе Дона было критическое. Вотъ какова была обстановка и общія условія Донской области въ моментъ возникновенія въ ней Добровольческой Арміи. И какъ эта вся обстановка была далека отъ тѣхъ мечтаній, что представлялись до знакомства съ ней.

А событія развивались своей чередой и небольшому отряду Добровольческой Арміи скоро

кровью пришлось завоевать себѣ право на жизнь и дальнѣйшее развитіе на землѣ Донской.

Ростовскіе большевики и солдаты рѣшили выступить съ оружіемъ въ рукахъ; къ нимъ на помощь прибыли черноморскіе матросы на траллерахъ. Военно-революціонный комитетъ вооружаетъ рабочихъ, роетъ окопы и уже 20-го начинается ѣзда большевиковъ по городу на автомобиляхъ. Только 22-го вся область объявляется на военномъ положеніи, но и это дѣла не улучшаетъ; вѣдь Ростовъ еще 2-го былъ объявленъ на военномъ положеніи, а толка не было и военное положеніе оставалось на бумагѣ, а въ дѣйствительности волна поднималась, чтобы окончательно захлестнуть Донъ. Власть была въ какомъ то полупараличѣ, уповая на Кругъ, что вотъ онъ придетъ и дѣло разсудитъ и наладитъ. Еще 17-го Богаевскій на казачьемъ съѣздѣ сказалъ: „Будьте готовы къ отвѣтственнымъ рѣшеніямъ. Событія грозныя, отвѣтственность огромная... Готовьтесь къ сполоху:“ 28-го Калединъ на засѣданіи Правительства заявилъ: „Не смотря на стремленія уладить все мирнымъ путемъ, переговоры не достигли цѣли“. Стремленія эти проявлялись въ переговорахъ, на которые тратилось много времени, конечно не безъ пользы для большевиковъ. 25-го съ военно-революціоннымъ комитетомъ велъ переговоры въ Ростовѣ членъ Правительства Елатонцевъ, указывая ему, что Правительство готово идти на уступки для избѣжанія гражданской войны, и если соглашенія не произойдетъ, то требованія комитета оно передастъ Кругу. Отъ комитета былъ уклончивый отвѣтъ, а

въ ночь на 26-е большевики выступили и война началась. Одновременно востаніе произошло и въ Таганрогѣ, и находившемуся тамъ отряду Назарова пришлось отступить. Вскорѣ въ Ростовѣ были арестованы: генералъ Потоцкій, градоначальникъ и др. Казачій отрядъ былъ обезоруженъ. Въ Новочеркасскѣ началась организація партизанскихъ отрядовъ, куда записывалось много учащейся молодежи: она горѣла огнемъ негодованія противъ насильниковъ и убійцъ, и вообще молодежь эта была на высотѣ гражданскаго пониманія момента все послѣдующее время. 30-го сталъ формироваться отрядъ славнаго молодого есаула ЧЕРНЕЦОВА, крупнаго человѣка, сыгравшаго выдающуюся роль въ защитѣ Дона. *)

Между тѣмъ желѣзнодорожники прислали ультиматумъ, съ требованіемъ вывода правительственныхъ войскъ, угрожая стачкой. Правительство же выпустило рядъ воззваній: одно изъ нихъ съ призывомъ на борьбу, другое ко всѣмъ русскимъ гражданамъ, съ объясненіемъ общаго положенія въ Россіи и на Дону. Послѣ безплодной, неудавшейся мобилизиціи и длинныхъ разговоровъ и убѣжденій казачьихъ частей, пришлось вновь прибѣгнуть къ помощи добровольческаго отряда. Числа 26-го общежитіе опустѣло и отрядъ дви-

---

*) Не смотря на юные годы Чернецовъ былъ мудръ въ государственныхъ вопросахъ.

Еще на 1-мъ Кругѣ, въ маѣ, онъ сказалъ: „...Если не будетъ сокрушенъ нѣмецкій милитаризмъ, то Вильгельмъ по частямъ заберетъ нашу федеративную республику, начиная съ Украйны, которая этой федераціи такъ добивается...“

нулся на Ростовъ, но доѣхалъ только до Нахичевани, гдѣ высадка произошла уже подъ обстрѣломъ. Станція была быстро занята маленькимъ отрядомъ, но 27-го пришлось отступать подъ Кизитиринку, гдѣ и была устроена база. Сюда же подошли и казачьи отряды, въ первые дни почти не принимавшіе участія въ бою и только потомъ, понеся случайно потери, они втянулись въ бой. Казаки старики сосѣднихъ станицъ приняли участіе сразу, а вторая сотня 17-го полка отказалась и ушла домой, черезъ Ростовъ, гдѣ и была обезоружена большевиками. Во время боевъ двое сутокъ отрядъ не имѣлъ ни пищи, ни медицинской помощи. Пришлось спѣшно, объединивъ нѣкоторыя полупараличныя обществ. организаціи, строить дѣло, причемъ экономич. Совѣтъ былъ центромъ этой работы. Раненыхъ подвозили въ лазареты, а въ Новочеркасскомъ соборѣ произошли первые похороны павшихъ изъ пріѣзжаго отряда, пролившихъ кровь свою за Донъ. Много, много ихъ потомъ, въ гробахъ, перебывало въ соборѣ... „Имена ихъ, Господи, вѣси!“ И не разъ можно было видѣть, въ пустомъ почти соборѣ, одинокую фигуру Каледина надъ гробомъ убитаго...

Между тѣмъ подготовка къ наступленію была сдѣлана, связь съ Назаровскимъ отрядомъ установлена и, послѣ артиллерійскаго обстрѣла, оно началось отрядами полковника А. П. Богаевскаго, полковника Н. А. Краснова, Назарова, Кучерова, подъ руководствомъ полковника М. Бояринова. Большевики скоро бѣжали, бѣжали и моряки на траллерахъ, захвативъ плѣнныхъ, обмѣненныхъ по-

томъ на плѣнныхъ матросовъ. Вечеромъ 2-го декабря Калединъ одинъ изъ первыхъ въѣхалъ въ Ростовъ.

О событіяхъ Атаманъ сдѣлалъ 3-го декабря докладъ на Кругѣ, выслушанный съ глубокимъ волненіемъ. Нельзя не упомянуть о манерѣ Каледина говорить; она, какъ и все въ немъ, была оригинальна. Негромкая, но слышная всюду рѣчь, медленная, иногда какъ бы съ подыскиваніемъ словъ, съ остановками, которыя однако не разсѣивали а приковывали вниманіе. На слова онъ былъ скупъ, излагая сущность коротко и понятно.

Калединъ былъ встрѣченъ на Кругѣ вставшими членами криками ура. „Нужно сказать“ — началъ онъ—„что къ моменту начала военныхъ дѣйствій отношенія очень обострились, но мы всѣми силами старались оттянуть этотъ моментъ. *Было страшно пролить первую кровь.* Замедленіе въ нашихъ дѣйствіяхъ происходило еще вслѣдствія настроенія нашихъ частей. Ими не была сознана необходимость борьбы: они торговались— выступать, или нѣтъ“. Объ участіи добровольческаго отряда во взятіи Ростова онъ не сказалъ ни слова, и разумѣется—это не было случайно. Далѣе онъ говорилъ о тяжеломъ положеніи власти о необходимости твердаго аппарата управленія: „Власть должна быть властью. Сейчасъ слишкомъ исключительный моментъ. Чтобы справиться со страшно сложнымъ положеніемъ нужна власть сильная, не только атамана, но и Войскового Правительства. Нельзя довольствоваться призракомъ власти. Это—гибель.

Лучше тогда не поднимать борьбы и не говорить пустыхъ словъ".

Еще 1-го, на частномъ совѣщаніи Круга, онъ говорилъ объ общемъ положеніи: „Данное положеніе таково, что съ красной гвардіей можно покончить лишь только оружіемъ. Другого средства нѣтъ. Мы, Войсковое Правительство, быть можетъ совершили тяжкое преступленіе, что слишкомъ долго медлили съ примѣненіемъ вооруженной силы. Мое глубокое убѣжденіе,—что избѣжать этого нельзя, такъ какъ выступленіе большевиковъ въ Области—это результатъ общаго движенія, опаснаго тѣмъ, что оно разрушаетъ очаги культурной жизни. Мы находимся въ періодѣ борьбы съ большевизмомъ и Кругу предстоитъ сказать: признаемъ ли мы это явленіе законнымъ, и желаемъ ли ему подчиниться, или нѣтъ? По моему глубокому убѣжденію подчиниться мы не можемъ и, только исходя изъ этого положенія, Правительство взяло на себя тяжелую задачу борьбы съ большевизмомъ. Если Кругъ станетъ на эту позицію, то объ этомъ надо заявить открыто".

Это и предстояло рѣшить Кругу на ряду съ другими вопросами. Кругъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ впервые присутствовали крестьяне, съ правомъ совѣщательнаго голоса. На это обстоятельство разсчитывали многіе. Надо было уничтожить въ корнѣ причины розни между казаками и крестьянами, надѣливъ почти половину населенія правами управленія и участіемъ въ распре-

дѣленіи*) свободныхъ земель, и тѣмъ самымъ лишить оппозицію почвы и привлечь ее на свою сторону. Но, какъ мы увидимъ, и осуществленный паритетъ, т. е. равное представительство иногороднихъ и казаковъ въ Правительствѣ—не спасъ положенія.

Кругъ открылся рѣчью Богаевскаго объ общемъ положеніи, о власти, о реорганизаціи Правительства. Смыслъ ея одинъ: „Дайте Правительству власть, которой оно не имѣетъ. Вы должны подумать о самомъ главномъ: подогнать подъ Правительство крѣпкій фундаментъ, а Атаману дать прочное обоснованіе, чтобы эта власть была не призрачной, не кланялась бы отдѣльнымъ полкамъ и батареямъ, а приказывала-бы имъ". И кончилъ онъ, заявивъ объ отставкѣ всего правительства... При разговорахъ о реконструкціи власти, на Кругѣ былъ поставленъ вопросъ о паритетномъ началѣ, который и былъ принятъ скороспѣшно, безъ достаточныхъ обсужденій. Полагали, что паритетомъ можно внести успокоеніе, на самомъ же дѣлѣ этого не только не получилось, но и значительно ухудшилось положеніе дѣла—введеніемъ элементовъ малосознательной оппозиціи. Да и поздно было заниматься передѣлкой власти: большевизмъ пустилъ у иногороднихъ слишкомъ глубокіе корни, хотя большевизма, какъ идеологіи, у крестьянъ

---

*) Вся земля Донской области принадлежитъ Войску Донскому за исключеніемъ небольшого количества частновладѣльческой. Иногородніе (свыше 50% всего населенія), т. е. главнымъ образомъ крестьяне, лишены права пріобрѣтенія земли въ собственность и пользуются ею на правахъ аренды.

конечно не было: на общемъ чувствѣ непріязни и темнаго озлобленія была элементарная жадность и жажда земли.

Опоздало и учрежденіе Юго-Восточнаго Союза: отдѣльные члены его уже были безпомощны у себя, а не только для другихъ сочленовъ: на Терекѣ шелъ бой между разноплеменными туземцами и онъ просилъ помощи у Дона; на Кубани большевизмъ захлестывалъ Екатеринодаръ; въ Астрахани начиналась драма, кончившаяся 24-го января, послѣ боя, уходомъ правительства изъ города, при чемъ въ плѣнъ попался атаманъ Бирюковъ.

Между тѣмъ Кругъ выпускаетъ приказъ, въ которомъ „повелѣваетъ не вѣритъ подлымъ навѣтамъ враговъ Дона“ и, далѣе, предоставляетъ Атаману всѣ полномочія для защиты Дона, включительно до мобилизаціи всѣхъ силъ Войска Донского. Въ это же время станица Малодѣльская, по поводу приказа о формированіи дружинъ, заявляетъ, что если таковыя противъ большевиковъ,—то идти они отказываются, а делегаты 42-го казачьяго полка заявляютъ, что если атаманъ желаетъ блага, то пусть онъ покинетъ свой постъ; 14-й казачій полкъ порицаетъ выступленіе „буржуазнаго генерала Каледина“ и привѣтствуетъ товарищей солдатъ, крестьянъ, рабочихъ и матросовъ, борющихся съ буржуазіей“.

9-го декабря Калединъ, только что переизбранный Атаманомъ, говоритъ: „Мы переживаемъ такое время, когда связи, которыя мы заключили другъ съ другомъ, будутъ связаны на жизнь и смерть“. Переизбранъ и Богаевскій, обратившійся съ боль-

шой рѣчью къ Кругу, съ его своеобразной манерой говорить,—задушевной, простой и обаятельной. Обоимъ были устроены оваціи. Далѣе Кругъ распускается впредь до созыва Областного Учредительнаго Собранія (4-го февраля).

Этими событіями была раскрыта и исполнена 1-я часть драмы Правительства и страны, послѣ которой тотчасъ же началась и 2-я, разыгрывавшаяся около 2-хъ мѣсяцевъ.

Тотчасъ послѣ Круга, 29-го, открывается крестьянскій Съѣздъ, настроеніе котораго явно антиправительственно, не смотря на рѣчи Каледина и Богаевскаго. На немъ говорится о Новочеркасскѣ, какъ центрѣ и оазисѣ буржуазіи и контръ-революціонеровъ. Вскорѣ раздаются требованія объ обезоруженіи Добровольческой Арміи и партизанскихъ отрядовъ. Въ результатѣ, 10-го января, Правительство опубликовало широкую амнистію арестованнымъ большевикамъ. Вотъ изъ этого то Съѣзда, по предложенію нѣкоего П. М. Агѣева, химической смѣси изъ Чернова и Керенскаго, уменьшенныхъ въ квадратѣ, и выбрали 7 представителей отъ крестьянъ въ Правительство, съ настроеніемъ въ сторону большевизма. Этимъ и былъ, наконецъ, осуществленъ принципъ равнаго представительства, которое на настроеніе крестьянъ, конечно, никакого вліянія не оказало.

Вскорѣ послѣ Ростовскихъ событій начинается захватъ Области по желѣзнодорожнымъ путямъ и постепенное приближеніе къ центру, то-есть къ Новочеркасску и Ростову. Еще во время засѣданій Круга было занято „Чертково“ и, такимъ образомъ,

до конца событій путь на Воронежъ былъ закрытъ. Далѣе большевики прочно осѣдаютъ въ Маріуполѣ, занимаютъ Синельниково, Макѣевку, Матвѣевъ-Курганъ. Чернецовъ съ безумной отвагой бьется въ „Дебальцевѣ", которое онъ ловкимъ ударомъ и взялъ 25-го. Организуются и другіе отряды, изъ которыхъ особое значеніе по дѣятельности пріобрѣтаетъ отрядъ энергичнаго и честнаго Семилѣтова. Главнымъ образомъ только эти два отряда, состоявшіе большею частью изъ учащейся молодежи, борятся съ большевиками. Казачье офицерство мало принимало участія въ защитѣ Дона, оставалось глухо къ событіямъ и продолжало гулять по улицамъ въ то время, когда Добровольческая Армія и партизаны бились съ наступавшимъ врагомъ, истекая кровью. Это доказано было потомъ: когда большевистскія власти только въ Новочеркасскѣ приказали офицерамъ явиться, то таковыхъ, по этому приказу, пришло 2000 человѣкъ.

Дальнѣйшее развитіе Добровольческой Арміи.

Какъ уже было сказано—Добровольческая Армія существовала нелегально. Съ самаго начала переговоровъ Алексѣева съ Калединымъ, послѣдній поставилъ условіемъ существованія организаціи Добровольческой Арміи на Дону,—чтобы она была негласна. Не теряя надежды работать съ лѣвыми элементами страны и демократическими организаціями*), Калединъ не хотѣлъ раздражать

*) „Надо было войти въ контактъ съ общественными организаціями"... (Изъ рѣчи А. М. Каледина, на Кругѣ 5-го сент.).

ихъ «контръ-революціонными» именами, вродѣ генерала Алексѣева, или тѣмъ болѣе, впослѣдствіи — Корнилова. Тѣмъ не менѣе масса демократическаго населенія знала о ней и относилась къ ней отрицательно. Такое отношеніе проявлялось разнообразно и особенно характерно вылилось со стороны съѣзда иногороднихъ, потребовавшаго (3-го января) «разоруженія и роспуска Добровольческой Арміи, борящейся противъ наступающаго войска революціонной демократіи".

Дѣйствительно, въ это время Добровольческая Армія рѣшительно проявила себя, взявъ на себя всю тяжесть борьбы и защиты Дона. Вмѣстѣ съ тѣмъ шла энергичная работа по организаціи ея. Шли сборы денегъ, но тѣ у кого они были—давали туго; давали рубли, когда нужны были милліоны: вѣдь армію нужно было поить, кормить, обувать, одѣвать, покупать оружіе, платить жалованье, посылать агентовъ для вербовки. Изъ обѣщанныхъ Москвою милліоновъ Добровольческая Армія почти ничего не получила. Между тѣмъ въ это время стали разыгрываться событія въ Ставкѣ и Добровольческая Армія напряженно слѣдила за Быховскими узниками: вѣдь тамъ томились герои, цвѣтъ и гордость арміи нашей, ея лучшіе и великіе руководители. 19-го ноября Крыленко подходилъ уже къ Ставкѣ, для совершенія гнуснаго дѣла, а въ ночь на 20-е узники ушли и переодѣтые поѣхали разными путями. Корниловъ же пошелъ со своими текинцами съ боемъ, но, не доходя до Конотопа, онъ разстался съ ними и поѣхалъ одинъ въ солдатскомъ поѣздѣ, переодѣтый бѣженцомъ-кресть-

яниномъ. 2-го декабря до Новочеркасска долетѣла вѣсть, что онъ скоро будетъ. И дѣйствительно, скоро одинъ за другимъ прибыли: 6-го декабря Корниловъ, и въ разное время другіе: Деникинъ, Лукомскій, Марковъ, Эрдели, Кисляковъ, Эльснеръ, Романовскій, которые и стали жить негласно, принимая дѣятельное участіе въ организаціи и формированіи Добровольческой Арміи. Скоро сформировался штабъ, а потомъ выдѣлились части, начавшія организоваться еще раньше: Георгіевскій полкъ, Офицерскій баталіонъ, Юнкерскій полкъ, небольшой конный отрядъ, Корниловскій полкъ и артиллерійскій дивизіонъ, причемъ пушки приходилось добывать разными способами, до кражи у большевистски настроенныхъ частей включительно. 27-го декабря Добровольческая Армія вслухъ заявила о своемъ существованіи и сказала о тѣхъ цѣляхъ и задачахъ, которыя она себѣ поставила рядомъ нѣсколькихъ декларацій. Этими задачами были: вѣрность союзникамъ, единство и цѣлость Россіи, борьба съ большевиками, водвореніе закона и порядка въ Россіи. Государств. строй не предрѣшался; вопросъ этотъ отдавался на рѣшеніе Учред. Собранія. Слѣдовательно въ задачу Добровол. Арміи въ то время входила и борьба за Учредительное Собраніе*). Непосредственной цѣлью До-

*) По отрѣченіи отъ престола Великаго Князя Михаила Александровича, верховная власть, преемственно и по праву, принадлежала и должна была перейти къ Учредительному Собранію. Присяга формулѣ („за Учредительное Собраніе") не опредѣляла ея содержанія, а также не была пустымъ звукомъ для военныхъ. Въ то время Собраніе могло быть первоисточникомъ власти, у него же была возможность избѣжанія гражданской войны, которой Добровольческая Армія не хотѣла. Вѣдь вѣрность присягѣ не предполагала обязательнаго господства Черно-

бровольческой арміи было противостоять вооруженному нападенію на югѣ и юго-востокѣ Россіи, рука объ руку съ казачествомъ. Сама же Добровольческая Армія является внѣпартійной и внѣклассовой. По идеѣ своей она объединяетъ всѣхъ, не относящихся къ преступникамъ и грабителямъ Россіи и растлителямъ народа и арміи. Таковы въ общемъ задачи Арміи, а въ душѣ каждаго ея члена жила униженная, преданная, оскорбленная, но живая Россія, за честь, цѣлостность и жизнь которой онъ пришелъ сражаться до смерти своей.

Въ первой половинѣ января Добровольческая Армія, вмѣстѣ со Штабомъ, переѣхала въ Ростовъ, оставивъ часть политическаго отдѣла въ Новочеркасскѣ. Еще мѣсяцемъ ранѣе рѣшено было перенести формированіе туда, причинъ для чего было много. До сихъ поръ вся организація носила имя генерала Алексѣева, но съ этихъ поръ она получаетъ названіе Добровольческой Арміи, хотя въ этой Арміи было не болѣе 4 тысячъ людей, изъ

выхъ и прочихъ „мелкихъ бѣсовъ“ и углубителей революціи, при обезпеченіи свободы предвыборной агитаціи и выборовъ. Но дѣйствительность показала, что при насиліи, шантажѣ и обманѣ народа ни о какомъ Собраніи, свободно выбранномъ, рѣчи быть не можетъ, и этимъ источникъ власти былъ утерянъ, преемственность оборвалась и въ результатѣ анархія и гражданская война. „Пресѣченіе династіи есть, конечно, несчастіе въ исторіи монархическаго государства; нигдѣ оно, однако, не сопровождалось такими разрушительными послѣдствіями, какъ у насъ“—говоритъ Ключевскій въ описаніи Смутнаго времени. Россіи суждено было вторично претерпѣть послѣдствія пресѣченія династіи. Въ настоящее время выходъ одинъ: вернуть власть къ ея первоисточнику и тогда возсоздастся нарушенная преемственность и будутъ уничтожены темныя центробѣжныя силы, расколовшія единую Россію и растащившія ее по кускамъ. Этотъ выходъ властно диктуетъ ученіе права, законы исторіи и позорный опытъ такъ называемой „русской“ революціи. **Авторъ.**

коихъ тысяча не военныхъ, не смотря на призывы въ разныхъ формахъ и содержаніяхъ. Главной причиной малочисленности являлось запозданіе формированія: вѣдь пути къ Дону одинъ за другимъ закрывались, а по свободнымъ ѣзда становилась опасной: за офицерами охотились, ихъ ловили, избивали, разстрѣливали. Офицерство много кровавыхъ драмъ пережило еще по пути къ Дону. Другой причиной надо считать усталость и отсюда равнодушіе офицерскихъ массъ къ положенію въ Россіи. Всего 3 тысячи на сотни тысячъ офицеровъ! Были и другія причины: Широкая публика не знала, кто стоитъ во главѣ Добровольческой Арміи, какія ея цѣли. Въ призывахъ и декларацiяхъ именъ генераловъ не было и офицерство, пережившее драмы неудачныхъ возстаній, не знало,—кто и куда зоветъ, и недовѣрчиво относилось къ призыву на Донъ, на который уже со всѣхъ сторонъ наступали большевики. Но все-таки ѣхали по одиночкѣ, съ громаднымъ рискомъ. Были также въ Добровольческой Арміи и разные политическіе дѣятели, которые, поддерживая связь съ центрами, содѣйствовали Арміи, всегда духовно связанной со всей государственно мыслящей Россіей. Много видала разныхъ людей у себя Добровольческая Армія! «Обломки политическаго хлама!»—какъ то сказалъ, смѣясь, Корниловъ про нѣкоторыхъ изъ нихъ. Говорятъ, что однажды у атаманскаго дома мелькнула юркая бритая фигурка, съ нахлобученнымъ а-ля шофферъ картузикомъ. То былъ бывшій премьеръ, „товарищъ“ Керенскій; пришелъ и исчезъ, никѣмъ не принятый. Побывалъ и Б. Савинковъ.

Побывали и многіе другіе. Среди нихъ были люди, цѣловавшіе ликъ Добровольческой Арміи поцѣлуемъ Іуды, были, наконецъ, лгуны, хулители, сплетники, предатели. Были и тѣ, кто на всю Россію оралъ о контръ-революціонности Корниловскаго выступленія... Стыдъ у нихъ потерянъ, совѣсть атрофировалась. Были—и навѣрно еще будутъ. Самый составъ Добровольческой Арміи, въ политическомъ отношеніи, былъ очень разнообразенъ, но крѣпко былъ спаянъ однимъ чувствомъ,—горячей любовью къ Родинѣ, одной цѣлью—спасеніемъ гибнущей Россіи.

Походъ большевизма на Донъ и конецъ сопротивленія ему.

Пс. 91

„Нечестивые возникаютъ какъ трава
и дѣлающіе беззаконіе цвѣтутъ,
чтобы исчезнуть на вѣки."

Ни взятіе Ростова, ни твердое настроеніе Круга не улучшили—ни военной, ни политической обстановки. Этотъ періодъ времени прошелъ у большевиковъ въ подготовкѣ военныхъ операцій, въ основѣ которыхъ лежалъ простой планъ—перехватъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ путей, ведущихъ къ Дону. Этимъ, помимо изоляціи Области, достигалась и другая цѣль: то было время возвращенія съ фронта остатковъ „самой свободной арміи въ мірѣ", созданной „красой и гордостью русской революціи"—Керенскимъ и К°. И вотъ эти вооруженныя банды собираются на прерванныхъ путяхъ

къ Дону и какъ саранча заполняютъ ихъ. Тамъ ложью и провокаціей они обрабатывались, тамъ ихъ накачивали злобой и ненавистью. На всѣхъ путяхъ съ Кавказа и Юга ихъ накопились громадныя массы, изъ которыхъ формировались новыя полчища. То же происходило и съ казачьими частями, возвращавшимися съ фронта; изъ нихъ, по одиночкѣ, для пропаганды, направляются агитаторы во всѣ уголки области, гдѣ дѣлается работа развращенія, обмана и затемнѣнія массъ. Денегъ при этомъ не жалѣлось. Въ дальнѣйшемъ началось осуществленіе плана и медленная агонія Дона. 11-го января была взята Каменская, а уже 15-го, въ засѣданіе Правительства, явилась депутація отъ военно-революціоннаго комитета, во главѣ съ тупымъ и наглымъ Подтелковымъ, бывшимъ урядникомъ гвардейской батареи и будущимъ „президентомъ Донской республики". Съ комиссаромъ Антоновымъ-Авсѣенко, руководившимъ военной операціей, онъ былъ въ постоянной связи и только что передъ этимъ послалъ ему телеграмму о присылкѣ ему 3-хъ милліоновъ рублей. Засѣданіе Правительства съ Подтелковымъ продолжалось цѣлый день. Онъ нагло и тупо требовалъ немедленной передачи власти военно-революціонному комитету. Правительство же, потерявъ день въ безуспѣшныхъ переговорахъ, конечно не сумѣло его убѣдить и онъ уѣхалъ.

Въ это время за Таганрогомъ, куда былъ посланъ полк. Кутеповъ съ отрядомъ, шли упорные бои, въ первыхъ числахъ января. Бой былъ неравный. На Матвѣевъ-Курганъ шли десятки

тысячъ большевиковъ противъ десятковъ защитниковъ. Добровольческая Армія медленно обезкровливалась. Помощи не было *) и Алексѣевъ обратился къ чехо-словакамъ, находившимся въ Полтавской губ. Но ихъ руководители — Массарикъ и Максъ стали на почву нейтралитета, за который потомъ дорого было заплачено. 16-го большевики взяли Себряково и линія Грязи-Царицынъ была этимъ прервана, а Торговая еще была раньше занята бандами изъ Ставропольской губерніи. На сѣверномъ фронтѣ бился Чернецовъ съ горстью храбрецовъ, главнымъ образомъ учащихся, ведя день и ночь напряженную борьбу, иногда съ большой удачей. 17-го онъ отнялъ Каменскую, на другой день Глубокую, но 20-го, при дальнѣйшемъ наступленіи, когда онъ, отдѣлившись отъ главнаго отряда, хотѣлъ зайти съ нѣсколькими десятками въ тылъ врагу, онъ попалъ въ плѣнъ къ Голубову. Чернецовъ и Голубовъ! Какія двѣ противоположности!.. Пламенный патріотъ, рыцарь—и лживый, мстительный, подлый демагогъ, продававшій себя нѣсколько разъ. Для наркомовъ Голубовъ былъ находкой: вѣдь онъ шелъ головнымъ отрядомъ, съ казаками 10-го, 27-го и 44-го полковъ: „пусть видитъ народъ, какъ лжетъ буржуй, что идутъ чужеземныя войска на Донъ; нѣтъ, идетъ трудовое казачество освобождать Донъ отъ засилья калединцевъ, идетъ рука объ руку съ трудовымъ народомъ“. На одномъ гарнизонномъ собраніи Чернецовъ, на замѣчаніе

*) Командующій войсками Ростовскаго раіона, ген. А. П. Богаевскій, могъ дать только около десяти казаковъ.

одного офицера, что его все равно повѣсятъ, сказалъ: „Это мнѣ не обидно: я повѣсилъ не одного коммиссара; а вотъ обидно будетъ Вамъ, ничего не сдѣлавшимъ для Дона, когда Васъ будутъ вѣшать“! Въ плѣну Чернецовъ былъ убитъ Подтелковымъ. Говорили, что Чернецовъ ударилъ его по лицу. Потеря Чернецова произвела страшное впечатлѣніе. Въ городѣ создавались легенды о томъ, что онъ живъ, и только раненъ, и скоро вступитъ въ бой. Правительство опять послало безрезультатную депутацію въ военно-революціонный совѣтъ, въ Каменскую. Въ 20-хъ числахъ большевики одновременно повели наступленіе на Звѣрево—со стороны Дебальцево, и на Лихую—съ Царицына, отрѣзывая, такимъ образомъ, Чернецовскій отрядъ, который частью ушелъ въ Горную. Рабочіе въ Сулинѣ и Александровскѣ-Грушевскомъ, уже вооруженные, помогали большевикамъ порчей путей, перебѣжкой, шпіонажемъ. Въ это время въ Ростовѣ рабочіе объявили забастовку, предъявляя Правительству рядъ требованій, сводившихся къ возможно большему ограниченію военнаго движенія по дорогамъ. Въ Батайскѣ рабочіе вооружаются изъ Тихорѣцкой. Въ Таганрогѣ военно-революціонный комитетъ поднялъ возстаніе и юнкерская рота Добровольческой Арміи понесла страшныя потери. Желѣзнодорожники разобрали стрѣлки, разрушили вокзалъ, а красная гвардія стала дѣйствовать въ тылъ Добровольческой Арміи, изнывавшей въ борьбѣ у Матвѣева Кургана, съ наступавшимъ изъ Успенской врагомъ. Обстановка сложилась невѣроятная: наши борцы, не-

спавшіе 2 недѣли, измотанные предыдущими днями, дрались на два фронта, никѣмъ не охраняемые съ другихъ сторонъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ Таганрогъ 26-го былъ оставленъ и армія народныхъ комиссаровъ соединилась съ бандами въ Таганрогѣ; отрядъ Кутепова принужденъ былъ отойти, минуя Таганрогъ; однако онъ ухитрялся со своими десятками одерживать побѣду и брать пушки. Противъ Батайска сражался ген. Марковъ съ отрядомъ въ 2—3 десятка человѣкъ. Кольцо кругомъ Ростова сжималось. Сопротивляться становилось невозможнымъ, помощи нѣтъ. Армія численно быстро таетъ и мечется на бои во всѣ стороны.

Что же дѣлало Правительство? Помогало-ли Каледину? Организовало ли военное дѣло? Било ли въ набатъ, зовя казаковъ? Вообще—понимало-ли моментъ? Отвѣтомъ на эти вопросы можетъ служить засѣданіе Правительства 27-го января, въ которомъ обсуждался вопросъ о снятіи въ Ростовѣ военнаго положенія, объявленнаго ген. Богаевскимъ, причемъ казачья часть Правительства хотѣла снять его „по возможности скоро“, а крестьянская —„снять немедленно“. Что же это было? Была ли растерянность, или наивная попытка кого-то обмануть?

Лучше было настроеніе и поведеніе Новочеркасской станицы. Она организуетъ дружину обороны, которая, однако, въ бой не пошла; но эта станица потомъ, въ общей растерянности, сыграла положительную роль, показавъ себя твердой до конца.

Хорошо понимала моментъ и демократическая городская дума, вынесшая 28-го такое постановленіе: „Предоставить Правительству въ тотъ моментъ, когда оно приметъ рѣшеніе оставить Новочеркасскъ, передать всю полноту власти въ городѣ въ руки городского самоуправленія". Какъ и всѣ соціалистическія думы, она расшатывала городское хозяйство, и тоже всячески углубляла революцію, дѣлая все для народнаго растлѣнія.

Правда, вышелъ приказъ о мобилизаціи офицеровъ, съ угрозой судебной отвѣтственности для уклоняющихся, но никто не являлся, да и поздно было. Не помогли и крестные ходы съ молитвами объ избавленіи отъ большевиковъ. Кстати—для характеристики общаго положенія достойно упомянуть о такомъ фактѣ: въ войсковой типографіи вышла большевистская газета „МАЙДАНЪ".

26-го у Атамана вечеромъ было засѣданіе съ представителями Добровольческой Арміи. Кончилось поздно. Говорилось о необходимости эвакуаціи Правительства изъ Новочеркасска, на что Калединъ сказалъ, что потеря его явится концомъ Дона. Что же касается лично его,—онъ ни въ какомъ случаѣ города не покинетъ. Присутствовавшій представитель Добровольческой Арміи, генералъ Лукомскій говорилъ, что казачья помощь нужна Добровольческой Арміи, изнемогающей въ борьбѣ за Тихій Донъ. Помощь была обѣщана, а потому рѣшили пока бороться дальше. Между

тѣмъ на сѣверномъ фронтѣ оставалось 147 штыковъ въ рукахъ учащейся молодежи, а помощи отъ казаковъ всетаки не было. И вотъ въ ночь на 29-е отъ Корнилова была получена Калединымъ телеграмма о томъ, что Добровольческая Армія, не получая помощи и истекая кровью, покидаетъ Донскую Область. Еще наканунѣ Калединъ обратился къ казакамъ съ воззваніемъ, въ которомъ онъ говоритъ, что онъ обращается къ нимъ съ призывомъ, быть, можетъ послѣднимъ; говоритъ о большевикахъ, сообщаетъ о поведеніи казаковъ, о фактахъ продажи ими своихъ офицеровъ за деньги большевикамъ, а въ концѣ проситъ спѣшить на помощь Дону и поддержку Правительства. Послѣ полученія телеграммы утромъ, 29-го, въ атаманскомъ домѣ собралось Правительство. Ясно было, что оказать поддержку Добровольческой Арміи было нечѣмъ, а потому Калединъ слагаетъ съ себя полномочія и предлагаетъ то же сдѣлать Правительству. Зная, что имя его ненавистно большевикамъ и надѣясь спасти городъ отъ грабежа и эксцессовъ наступающихъ бандъ, онъ предлагаетъ передать власть городской думѣ. Правительство съ нимъ согласилось. Кто-то предложилъ предварительно собрать совѣщаніе общественныхъ дѣятелей, на что Калединъ отвѣтилъ: „Довольно разговоровъ. Отъ болтовни Россія погибла“, а на чей то вопросъ—„что же дѣлать“,—онъ сказалъ: «Это рѣшается каждымъ за себя, мной же рѣшено давно».

Въ 2 часа дня въ комнатѣ, рядомъ съ кабинетомъ, раздался выстрѣлъ. Супруга его, вбѣжавъ

въ комнату, застала его на кровати безъ сюртука, со скрещенными руками. Онъ сдѣлалъ движеніе глазами въ ея сторону и навсегда закрылъ ихъ.

Къ характеристикѣ Каледина должно добавить, что въ полчаса 2-го въ политическомъ отдѣлѣ Добровольческой арміи раздался звонокъ телефона:—„Кто у телефона"?—„Атаманъ... Считаю нужнымъ увѣдомить васъ, что я и Правительство сложили съ себя полномочія и передали власть мѣстнымъ демократическимъ организаціямъ". А черезъ нѣсколько минутъ звонокъ изъ штаба, отъ офицера, съ предложеніемъ насильно взять Каледина, чтобы спасти его жизнь и увезти въ Добровольческую Армію.

Смерть, Атамана, извѣстіе о которой быстро распространилось по городу произвела потрясающее впечатлѣніе. Въ безмолвной толпѣ, окружившей атаманскій домъ вскорѣ послѣ выстрѣла, сразу началась запись добровольцевъ. Слабая попытка большевиковъ вострубить побѣду встрѣчена негодующе. Часъ ихъ еще не насталъ. Явилась слабая надежда, что смерть Атамана пробудитъ совѣсть, у кого она заснула, и сознаніе, у кого оно было затемнено.

Вечеромъ собраніе въ станичномъ правленіи выбрало походнаго атамана Назарова Войсковымъ, а собраніе съѣхавшихся депутатовъ на Кругъ подтвердило это избраніе. Поповъ былъ избранъ походнымъ атаманомъ. Передача власти имъ, а не

городской думѣ, была облегчена тѣмъ, что сложивъ полномочія, Правительство протокола объ этомъ не подписало.

5-го февраля былъ объявленъ Малый Кругъ, объявившій себя верховной властью. Выбравъ Атаманомъ Назарова, нѣсколько разъ отказывавшагося, Кругъ предложилъ ему исполнить свой долгъ передъ казачествомъ. „Долгъ исполню, но прежде всего должны выполнить долгъ вы, предоставивъ Атаману реальныя силы для выполненія долга по защитѣ Дона",—сказалъ онъ. Была объявлена мобилизація отъ 17 до 55 лѣтъ, введена смертная казнь, (отмѣненная 12-го); сдѣланъ рядъ и другихъ постановленій, которыя кончились посылкой делегаціи къ Голубову. *)

7-го, на закрытомъ засѣданіи Круга, явился бывшій помощникъ атамана, М. П. Богаевскій и сказалъ свое послѣднее слово объ обстоятельствахъ, при которыхъ Правительство сложило полномочія и погибъ Атаманъ.—«11-ть мѣсяцевъ назадъ я имѣлъ счастье или несчастье повѣрить, что казачество еще не умерло—теперь за эту вѣру, быть можетъ, мнѣ и придется поплатиться»—началъ онъ. Далѣе говорилъ о Калединѣ, его надеждахъ, разочарованіи, смерти. Рѣчь произвела страшное впечатлѣніе.

---

*) Этой делегаціи „главнокомандующій" Саблинъ отвѣтилъ, что „казачество, какъ таковое, должно быть уничтожено съ его сословностью и привиллегіями". На вопросъ, почему вмѣстѣ съ „революціонными" войсками идутъ нѣмцы, онъ сказалъ буквально слѣдующее: „Это потому, что австрійцы и нѣмцы дали намъ подписку въ томъ, что они также будутъ воевать и противъ своихъ, какъ идутъ противъ Россіи, такъ какъ они революціонеры и исповѣдуютъ интернаціоналъ".

Всѣ постановленія Круга были послѣдней ставкой на спасеніе Дона и ставка была проиграна. Никакія постановленія не исполнялись никѣмъ; ихъ никто не слушалъ. Началась агонія. Мобилизація не прошла. Приходили казаки изъ сосѣднихъ станицъ; они митинговали, пьянствовали и расходились по домамъ,—иногда получивъ обмундированіе. Правда, у нѣкоторыхъ былъ подъемъ, но его убило отсутствіе плана въ дѣлѣ мобилизаціи. Аппаратъ власти былъ почти разрушенъ съ уходомъ Правительства. Большевики работали во всю. Въ городѣ наблюдался хаосъ. Вмѣсто того, чтобы отправлять пришедшихъ прямо на фронтъ, ихъ почему то задерживали, отпускали по домамъ, чтобы потомъ уже карательными экспедиціями возвращать обратно. Ихъ приводили, а они снова уходили. Въ этомъ хаосѣ Назаровъ сдѣлать ничего не могъ. Все было расхлябано, все расшатано,н и одинъ органъ Правительства не работалъ.

8-го съ фронта, походнымъ порядкомъ, прибылъ 6-й полкъ. За нимъ ухаживали, выдали денежныя награды, говорили ему хорошія рѣчи, въ надеждѣ на его помощь, но онъ разошелся по домамъ. 9-го, на собраніи у Назарова, рѣшено было уходить изъ Новочеркасска.

11-го утромъ Голубовъ былъ уже въ 3-хъ верстахъ отъ города, подъ Кривянкой. Съ Персіяновки, въ 12 верстахъ, слышалась стрѣльба. Походный Атаманъ Поповъ, со штабомъ (во главѣ съ Сидоринымъ), 12-го въ 3 ч. дня уходятъ на Старочеркасскъ; туда же отправились и отряды Семилѣ-

това, и друг., чтобы потомъ скитаться безъ базы и тыла по Сальскому округу, въ восточной части Области. Всего вышло 1500 человѣкъ—пополамъ пѣхоты и конницы, съ 5 орудіями и 40 пулеметами.

При прохожденіи партизанъ черезъ городъ толпился народъ. Немногіе плакали, большинство было равнодушно, а нѣкоторые злорадствовали вслухъ.

12-го, пославъ въ Бесергеневскую, къ большевистскимъ казачьимъ полкамъ, делегатовъ, съ просьбой къ нимъ охранить городъ, въ 4 часа Кругъ молится въ соборѣ о спасеніи города, а потомъ вернулся въ залу судебныхъ установленій, гдѣ черезъ нѣсколько дней нашелъ пріютъ совдепъ. Въ 6 часовъ Кругъ всталъ при появленіи Голубова.

Царство большевиковъ.

Пс. 93-й:

„Они изрыгаютъ дерзкія рѣчи, попираютъ народъ Твой, вдову и пришельца убиваютъ и сиротъ умерщвляютъ...

Около 5-ти часовъ туманнаго вечера, 12-го февраля... Только что изъ кадетскаго корпуса ушелъ послѣдній партизанскій отрядъ, какъ уже начался грабежъ корпуснаго имущества. По улицамъ шныряли темныя личности съ алчными глазами. Въ городѣ начался грабежъ. Но вотъ у вокзала послышалось „ура“. То чернь встрѣчала Го-

лубова, который на Платовскомъ пр. былъ встрѣченъ музыкой... Въ городѣ жутко... Въ залѣ Суда засѣдалъ Кругъ, съ Атаманомъ Назаровымъ. Съ шумомъ отворилась дверь и показался Голубовъ, едва ли трезвый, съ казаками—„Что за кучка людей тутъ засѣдаетъ, когда совершается соціальный переворотъ? Встать!“ закричалъ Голубовъ. Кругъ всталъ, за исключеніемъ Назарова. Голубовъ обратился къ Кругу съ грубой руганью.—„Кто Вы такой?“—спросилъ его Назаровъ; „Я—Голубовъ, а Вы кто?“—„Я войсковой Атаманъ Войска Донского“.—„Самозванецъ, кто Васъ выбралъ?“—„Пять разъ выбирало меня Войско и пять разъ я отказывался“.—„Арестовать его“,—и банда бросилась на Атамана, сорвала съ него погоны и отвела его и предсѣдателя Круга Волошинова на гаупвахту. Кругъ былъ разогнанъ. Послѣ этого Голубовъ ѣздилъ по улицамъ тріумфаторомъ у черни и говорилъ рѣчи. Далеко за полночь слышалось ура.

Ночь прошла спокойно. Но на другой день съ утра появились красногвардейцы, грязные, циничные, вооруженные съ ногъ до головы. Населеніе при видѣ ихъ шарахалось въ сторону, но демократическая часть и базаръ привѣтствовали ихъ, какъ освободителей, чтобы черезъ нѣсколько дней, послѣ кражъ и грабежей на базарѣ и отсутствія хлѣба въ городѣ — разочароваться. Между тѣмъ въ городѣ начались повальные обыски, аресты, грабежи, разстрѣлы, которые производились упрощенно, въ раіонѣ вокзала, Краснокутской рощи, за городомъ и на окраи-

нахъ, причемъ трупы валялись неубранными, ограбленными до гола; нѣкоторые объѣденными собаками. Послѣ издѣвательствъ былъ арестованъ престарѣлый Архіерей Митрофанъ и посаженъ на гауптвахту*).

Въ городѣ начались доносы, предательство прислугъ и просто любителей. Пьянство шло въ громадныхъ размѣрахъ. На церкви было обращено особое вниманіе. Мало того, что онѣ были ограблены, въ нихъ совершались сцены, напоминавшія средневѣковыя черныя мессы по цинизму и садическому издѣвательству надъ святынями. Пьяные красногвардейцы съ женщинами устраивали оргіи въ церквахъ**), плясали въ ризахъ. Въ одной церкви, въ штыками проверченныя отверствія—въ уста святыхъ вставили окурки. Въ другой церкви на престолѣ, въ головѣ дохлой собаки поставлена икона; вообще дѣлали многое, чего нельзя передать, и отчего отъ ужаса волосы шевелятся на головѣ.

Жизнь въ городѣ замерла. 14-го, среди дня, банда ворвалась въ больницу Общества врачей. Врачи растерялись и не смогли защитить раненыхъ. Банда стащила съ коекъ человѣкъ 30 раненыхъ

---

*) Тамъ же сидѣлъ, между прочимъ, съ 12-го полковникъ Грузиновъ, который днемъ выѣзжалъ въ Кривянку, къ Голубову—съ требованіемъ защиты раненыхъ въ больницахъ, указавъ ему на отвѣтственность его за ихъ жизнь. Онъ былъ приговоренъ къ смерти, но его друзьямъ потомъ удалось спасти его жизнь при исключительныхъ условіяхъ.

**) Въ Архіерейской, въ церкви Платовской гимназіи.

и поволокла по улицамъ, въ сопровожденіи гогочущей толпы, за городъ. Тамъ они были разстрѣляны. Черезъ два дня послѣ этого власти имѣли наглость собрать врачей и предложить имъ работать совмѣстно.

Надо сказать, что въ охранѣ, скрываніи и защитѣ раненыхъ играли большую роль пріѣзжія изъ Москвы женщины, причемъ имъ приходилось работать съ большимъ рискомъ, а потомъ бѣжать отъ мести властей. Особый героизмъ проявило нѣсколько сестеръ милосердія. Съ самоотверженіемъ, напоминавшимъ древнихъ христіанокъ, онѣ разыскивали по окраинамъ трупы, сами накладывали ихъ на дроги и хоронили.

Между тѣмъ обыски и аресты увеличились, ибо власти нарочно создавали поводъ къ нимъ— приказами объ отобраніи оружія, военныхъ вещей, провѣркой документовъ. Охраны въ городѣ не было никакой и онъ находился всецѣло въ рукахъ бандитовъ, хотя въ это же время, очевидно для глумленія, вышелъ приказъ о недопустимости самочинныхъ обысковъ. Въ ночь съ 17-го на 18-е съ гауптвахты, подъ предлогомъ перевода въ тюрьму, а на самомъ дѣлѣ по приговору—были выведены Назаровъ, Волошиновъ и еще 5 человѣкъ, по направленію къ тюрьмѣ, и не доходя до нея разстрѣляны. Убійцамъ не хватало мужества сдѣлать свое дѣло. „Повернись спиной"—сказали Назарову. — „Солдатъ встрѣчаетъ смерть не спиной, а лицомъ"—отвѣтилъ Назаровъ и, перекрестившись, сложилъ руки и скомандовалъ: „Слушай

команду: Разъ, два, три"! Черезъ часъ среди убитыхъ зашевелился Волошиновъ, доползъ до ближайшей хаты, умоляя о помощи, но баба*) сбѣгала и привела палачей, изъ которыхъ одинъ выстрѣлилъ ему въ грудь. Потомъ уже въ мертвыхъ стрѣляли и издѣвались надъ трупами. Близкіе хлопотали о разрѣшеніи на погребеніе. »Развѣ эта сволочь еще не погребена?"—спросилъ комиссаръ. „Она не достойна погребенія"! сказалъ онъ.

Власть въ это время была въ рукахъ никому неизвѣстнаго Медвѣдева, бывшаго, какъ говорили, каторжника и убійцы, поселившагося въ атаманскомъ дворцѣ. Дней черезъ десять образовался мѣстный совдепъ, къ которому перешла власть. Была организована газета, оффиціальный органъ совѣта, въ которомъ работали сотрудники съ иностранными фамиліями, вродѣ Френкеля, Зиссермана и друг. Между прочимъ, на другой день послѣ разстрѣла Назарова и другихъ, въ газетѣ появилась замѣтка, что они были разстрѣляны во время попытки къ побѣгу. Въ дальнѣйшемъ газета, полная подтасовки, лжи, клеветы, и тупого самохвальства, углубляла революцію, призывая къ погрому саботирующей интеллигенціи, къ самосуду надъ офицерами, священниками. Въ ней же нѣсколько разъ сообщалось о гибели Добровольческой Арміи**)

---

*) Этой исторической бабой оказалась жена пожилого казака Новочеркасской станицы.

**) Вообще же съ уходомъ Добровольческой Арміи о ней ничего не было извѣстно до 15-го апрѣля, до пріѣзда одного человѣка изъ Добровольческой Арміи.

и смерти Корнилова. Между тѣмъ медвѣдевскій режимъ и поведеніе красногвардейцевъ смущали даже казаковъ—большевиковъ, благодаря чему между ними создались натянутыя отношенія. Совдепъ и тотъ былъ недоволенъ линіей внутренней политики. Числа 20-го, при проѣздѣ Подтелкова, въ него стрѣляли на улицѣ изъ кучки казаковъ, а Медвѣдеву пришлось исчезнуть съ горизонта. Командующимъ былъ назначенъ вахмистръ Смирновъ, а Голубовъ уѣхалъ въ Сальскій округъ, на борьбу съ партизанами, а главнымъ образомъ на поимку Богаевскаго, на слѣдъ котораго онъ напалъ.

Говорили, что между Голубовымъ и Подтелковымъ происходятъ раздоры, ибо первый хочетъ быть атаманомъ, а второй революціонн. самодержцемъ Дона, хотя между военно-революц. комитетомъ и казаками, повидимому, состоялось какое то соглашеніе, ибо притока въ городъ красногвардейцевъ больше не было и всѣ они направлялись въ Ростовъ, минуя Новочеркасскъ. Областной военно-революціонный комитетъ въ Ростовѣ объявилъ себя высшимъ властителемъ области, названной „Донской совѣтской республикой федеративной соціалистической Россіи“, во главѣ съ Подтелковымъ, и энергично углублялъ революцію, сажая всюду невѣжественныхъ безчестныхъ комиссаровъ, которые разваливали и разрушали дѣло и порядокъ въ странѣ приказами, декретами и быстро привели ее къ полной анархіи. Творчество штемпелеванное, шаблоно-трафаретное шло во всю.

Декреты о дележѣ земли, объ отмѣнѣ преподаванія закона Божія, церковнаго брака, финансовыя и экономическія мѣропріятія—одно нелѣпѣе другого—сыпались щедрою рукой. Было много наглости и мало умѣнія и знанія. Звали интеллигенцію на помощь, но она почти вся саботировала. Комитетъ все же нѣсколько побаивался казаковъ, у которыхъ уже росло недовольство хозяйничаніемъ красногвардейцевъ, массой вывозившихъ изъ Новочеркасска продовольственные запасы, лазаретное имущество, снаряженіе, а скоро наступившаяся безработица и безхлѣбица*) дѣлали свое дѣло въ народныхъ низахъ. Были и другія причины недовольства. Это—посылка хлѣбныхъ и карательныхъ экспедицій въ ближайшія станицы. Уже на первомъ гарнизонномъ собраніи казаки кричали на Подтелкова и Голубова за эти экспедиціи и громко протестовали противъ отмѣны церковнаго брака; вообще еще на этомъ собраніи настроеніе обманутыхъ казаковъ опредѣлилось уже достаточно ясно. Но съ другой стороны и красногвардейцы стали косо посматривать на казаковъ, хотя ихъ было немного въ городѣ и сидѣли они въ кадетскомъ корпусѣ, а потому жизнь въ городѣ была въ это время сносная. Не то было въ Ростовѣ. Съ самаго начала и до конца тамъ было невыносимо тяжко. При входѣ большевиковъ и въ первые дни ихъ пребыванія, улицы были залиты кровью молодежи. Въ дальнѣйшемъ шли грабежи

*) Тщетно крупными буквами въ газетахъ печаталось: „товарищи хлеборобы, везите хлеб!“.

и, наконецъ, контрибуціи. Новочеркасскій совдепъ наложилъ на городъ 5 милліоновъ, а съ неплательщиками поступали просто: къ нимъ по списку посылали красногвардейцевъ, которые до чиста разграбляли и даже разрушали квартиры и обстановку должниковъ.

Шантажъ процвѣталъ въ большихъ размѣрахъ; такъ, напримѣръ, врывались въ домъ, становили къ стѣнкѣ на разстрѣлъ, требовали тысячи; если таковыхъ не было, удовлетворялись десятками рублей. Въ это время, подозрѣвая казаковъ и чувствуя зыбкость почвы подъ ногами, Подтелковъ объявилъ мобилизацію и послалъ агитаторовъ по станицамъ; но тамъ ихъ встрѣчали не хорошо и нѣкоторые изъ нихъ не вернулись; тамъ уже началось глухое броженіе. Революціонный комитетъ нервничалъ. Вѣдь въ это время медленно къ Донской области подходили нѣмцы, хотя военныя реляціи въ газетѣ все время кричали о побѣдахъ совѣтскихъ войскъ надъ ними.

Между тѣмъ Голубовъ, въ концѣ марта, вернулся съ арестованнымъ Богаевскимъ и на гарнизонномъ собраніи открыто открещивался отъ большевиковъ, рѣзко критикуя и порицая совѣтскую власть и красногвардейцевъ. Въ своемъ путешествіи онъ разузналъ о настроеніи казаковъ, а потому рѣшилъ перемѣнить фронтъ и затѣять новую игру. Онъ устраиваетъ вновь гарнизонное собраніе, на которомъ долженъ говорить Богаевскій. Комиссарамъ не хотѣлось этого собранія. Красную гвардію они пригласили въ кадетскій

корпусъ, а казаковъ въ зимній театръ и Богаевскаго повезли въ корпусъ, рѣшивъ тамъ покончить съ нимъ самосудомъ. Но казаки, узнавъ объ этомъ, изъ театра бросились въ корпусъ и планъ мерзавцевъ не удался. Не смотря на препятствія со стороны комиссаровъ, клеветавшихъ на Богаевскаго, онъ сказалъ свою послѣднюю 3-хъ часовую рѣчь. Это была политическая исповѣдь, съ изложеніемъ всѣхъ предшествующихъ событій, развала и предательства казаковъ, и смерти благороднаго Каледина; говорилъ о Россіи, ея судьбахъ. Рѣчь произвела большое впечатлѣніе, и Голубовскіе казаки кричали: „Не выдадимъ!“ Казаки, морально разложенные и развращенные, измѣнили курсъ и по другимъ соображеніямъ: вѣдь имъ стало извѣстно о настроеніяхъ въ станицахъ и они знали, что при возвращеніи домой имъ можетъ придтись плохо за предательство Дона. „Затянулъ насъ въ петлю, с... с...“ какъ-то сказали они на гарнизонномъ собраніи Голубову, за которымъ еще такъ недавно шли...

Въ это время въ Ростовѣ происходилъ областной съѣздъ совѣтовъ, на которомъ были пріѣзжіе изъ центра гастролеры, налетѣвшіе какъ воронье на добычу,—большею частью съ нерусскими именами. На первомъ же засѣданіи рѣшено было потребовать Голубова, Смирнова и М. Богаевскаго въ Ростовъ, куда они, однако, не поѣхали, можетъ быть надѣясь на казаковъ, а можетъ быть въ увѣренности, что Подтелковъ не осмѣлится открыто идти противъ нихъ. Но они ошиблись: 27-го марта, часа въ 4 дня, улицы вдругъ неожи-

данно опустѣли и у вокзала раздались выстрѣлы, а потомъ ближе, у собора. То пріѣхала карательная экспедиція изъ Ростова, и Голубовъ съ Смирновымъ бѣжали, а казаки сейчасъ же объявили нейтралитетъ и не подумали спасти съ гауптвахты Богаевскаго, который и былъ отправленъ въ Ростовъ. Наступили опять тяжелые дни для Новочеркасска: опять обыски, опять разстрѣлы, грабежи и полная безвѣстность. Но просвѣтъ наступилъ скоро, хотя дорогою цѣной пришлось заплатить за него.

Начало освободительной борьбы Казачества.

Наглость большевистскихъ вождей, грабежи, обманъ, ложь, убійства лучшихъ сыновъ Дона, карательныя экспедиціи въ станицы, ихъ ограбленіе, поджоги*), удачное натравливаніе крестьянъ на казаковъ, объявленіе о дѣлежѣ земли,—все это заставило казаковъ очнуться отъ дурмана и выйти изъ нейтралитета. Постепенно росла ненависть къ пришлымъ бандитамъ, особенно въ ближайшихъ къ городу станицахъ, которыя ближе и глубже познакомились съ новымъ „соціалистическимъ" режимомъ. Да и не выгодно было: торговля съ городомъ прервалась, хлѣбъ вывезли, да еще и землю будутъ отдавать крестьянамъ. Рѣшили бороться. И вотъ, сговорившись, въ ночь на 1-е апрѣля казаки ближайшихъ къ Новочеркасску станицъ: Кривянской, Заплавской, Бесергеневской и др., подъ предводительствомъ полковника Фе-

*) По уходѣ большевиковъ и очищеніи отъ нихъ—Дона только по 4-мъ округамъ насчитывалось до 5000 сожженныхъ строеній, на сумму приблизительно до 20 милліоновъ рублей.

тисова ворвались въ городъ, гдѣ большевиковъ было немного и наступленія они не ждали. Красногвардейцы бѣжали, за исключеніемъ немногихъ, убитыхъ въ городѣ. Совдепъ скрылся и больше онъ уже не собирался. Нужно замѣтить, что онъ вообще роли большой не игралъ и активными были люди со стороны.

По приходѣ Фетисовъ шлетъ въ Ростовъ телеграмму съ требованіемъ освобожденія М. Богаевскаго, съ угрозой разстрѣлять плѣнныхъ. Но это не спасло М. Богаевскаго: онъ былъ разстрѣлянъ, въ этотъ же день, въ Балабановской рощѣ. Когда вступили казаки—городъ не зналъ, что происходитъ и только потомъ обалдѣлый обыватель узналъ, что онъ подъ новой властью. Радость была неописуема... Люди при встрѣчѣ цѣловались... Но, увы: восторгъ былъ не продолжителенъ. У казаковъ не было ни оружія, ни патроновъ; все было неорганизовано, не смотря на попытку собравшихся вечеромъ представителей дружинъ и случайно находившихся членовъ бывшаго Правительства и Круга, назвавшихъ себя „Совѣтомъ Обороны". Ожидали прибытія Поповскаго и Семилѣтовскаго отрядовъ, но они были далеко и не могли придти скоро. Казаки обратились за помощью къ большевикамъ-казакамъ Голубовской дивизіи, изъ 2, 10, 27 и 44-го запасныхъ казачьихъ полковъ. Но тѣ заявили о нейтралитетѣ. 3-го большевики повели наступленіе изъ Ростова, съ бронированнымъ поѣздомъ, и уже къ 10-ти часовъ утра 4-го съ вышки городского сада видно было, какъ снаряды ложатся на путь, верстахъ въ 7-ми отъ

города, хотя въ это же время штабъ почему то давалъ утѣшительныя завѣренія. Въ 3 часа дня черезъ улицы пошли быстро отступающіе на Кривянку казаки, къ которымъ присоединились боявшіеся мести обыватели, учащіеся, и интеллигенція. Въ 4 часа уѣхалъ штабъ, а въ 5 вступили красногвардейцы, буквально наполнившіе городъ. Онъ сталъ переживать кошмарные дни. Еще утромъ ушли изъ города казаки-большевики съ награбленнымъ добромъ*).

Большевикамъ нечего было больше стѣсняться и они съ ненавистью обрушились на городъ. Грабили все и всѣхъ. Не было оставлено ни одного культурнаго мѣста. Друзья трудового народа грабили больницы, школы, аптеки, церкви, магазины. Винные склады разбивались и пьянство шло во всю. Никто не могъ поручиться ни на одну минуту за свою жизнь среди озвѣрѣлыхъ людей, врывавшихся въ дома по нѣскольку разъ въ день. Разстрѣливали безсмысленно, хотя меньше, чѣмъ въ первый разъ, ибо никого не было: оставались старики, дѣти, женщины. Жители спали не раздѣваясь, старались не разлучаться другъ съ другомъ, семьями, родными. Были случаи сумаше-

*) Объ этомъ узнали станицы и ночью, ловко снявъ дозоръ дивизіи, обезоружили ее во время сна, около станицы Верхне-Кундрюческой, отобравъ награбленное и 41 тыс. денегъ. Весь командный составъ арестовали и отправили въ Константиновскую тюрьму. Такъ кончила безславно—отнынѣ безсмертная и подлая Голубовская дивизія, а самъ онъ, на станичномъ сборѣ въ Заплавской ст., передъ которымъ оправдывался въ своемъ поведеніи, былъ убитъ послѣ побѣга изъ Новочеркасска.

ствія. Власть принадлежала Антонову, — убійцѣ М. П. Богаевскаго, мальчишкѣ,—только что окончившему мѣстное коммерческое училище, дегенерату изъ преступной семьи. Посыпались приказы, одинъ изъ которыхъ повелѣвалъ всѣмъ жителямъ явиться на регистрацію (100.000); потомъ онъ былъ отмѣненъ. Но въ общемъ власть никакой силы не имѣла: разложеніе внутри достигло предѣловъ и выражалось въ рѣзкихъ формахъ вооруженныхъ столкновеній на почвѣ дѣлежа.

По городу носились темные слухи о предполагаемой рѣзнѣ всѣхъ жителей... Все это происходило подъ неумолкаемый, безсмысленный артиллерійскій обстрѣлъ Кривянки, который почти безъ перерыва продолжался дней 10. Она повременамъ пылала. Власти посылали по станицамъ карательныя экспедиціи и красногвардейцы хвалились успѣхами, хотя на самомъ дѣлѣ экспедиціи не только не достигали цѣли, но часто, разбитыя, возвращались обратно.

Въ это время въ ближайшихъ станицахъ организація возстанія шла во всю и шелъ сполохъ по землѣ Донской—о которомъ, конечно—„власти" знали, безпокоились, нервничали и чувствуя приближеніе конца—веселились напослѣдокъ во всю.

Однажды пушки замолчали. Одно это обстоятельство уже заставило испуганнаго обывателя со страхомъ задать себѣ вопросъ: „Что же будетъ дальше? Что это значитъ?". А дальше опять начался обстрѣлъ, перерывъ же былъ во время пере-

говоровъ делегаціи, посланной большевиками къ казакамъ, которые въ отвѣтъ повѣсили одного изъ делегатовъ, а остальные успѣли убѣжать.

Наступила Страстная недѣля; ночныя церковныя службы публика изъ страха не посѣщала, а въ нѣкоторыхъ церквахъ красногвардейцы запрещали служить. Для посѣщенія церковной службы, нужно было хлопотать о разрѣшеніи. Напряженное ожиданіе чего то, что должно, наконецъ, случиться, достигло предѣловъ. Въ поведеніи большевиковъ стала замѣчаться какая то тревога. На вокзалѣ по ночамъ слышалось чрезмѣрное движеніе поѣздовъ; съ сѣвера тянулись эшелоны, которыми всѣ пути верстъ на 10 были забиты, причемъ красногвардейцы оставались на ночь въ поѣздахъ, а въ городѣ шли пьяные и грабительскіе набѣги. Грабежи увеличивались. Началась чистка Государственнаго Банка и Сберегательной Кассы, причемъ цѣнности увозились на вокзалъ подводами, а грабили такъ, что по дорогѣ изъ набитыхъ карманов грабителей деньги вываливались на дорогу*). Почему то ни походный Атаманъ Поповъ ни Фетисовъ—въ послѣдній приходъ свой—цѣнностей не вывезли. На другой день по ограбленіи Банка появилось объявленіе, въ которомъ говори-

*) Грабили подъ руководствомъ Лихтенбаума, Орленко и Пономарева. Всего взято золотомъ и серебромъ свыше 3-хъ милліоновъ бумажными деньгами 6 милліоновъ. То же произошло и въ Ростовѣ, только тамъ сожжено процентныхъ бумагъ на 479 милліоновъ и взято: бумажныхъ денегъ 60 милліоновъ и на 100 милліоновъ цѣнныхъ вещей, заложенныхъ въ Банкѣ. Потомъ уже, при арестѣ Подтелкова, у него отобрано около 9 милліоновъ руб. (изъ документовъ и протоколовъ большевиковъ, оставленныхъ въ Банкѣ).

лось, что „власти“ уходятъ ввиду надвигающихся контръ-революціонныхъ бандъ, а поэтому они увозятъ съ собою деньги для организаціи борьбы въ другомъ мѣстѣ, оставшихся же товарищей призываютъ къ борьбѣ до смерти съ контръ-революціонерами.

Наступила Пасхальная ночь; въ церквахъ служили заутреню. Думается, что болѣе кошмарно никто не вроводилъ ее въ это время въ Россіи... Вдругъ со стороны Ростова послышалась глухая артиллерійская стрѣльба. Кто стрѣлялъ, въ кого стрѣляли—ничего не было извѣстно. *) Но вотъ пришло и утро; красногвардейцы ходили по городу, врывались въ дома, отбирая у ограбленнаго обывателя куличи, пасхи и, между прочимъ, штатское платье и паспорта. Къ вечеру пьянство достигло невѣроятныхъ размѣровъ, такъ что ночью „власти“ нагайками гнали пьяныхъ „товарищей“ изъ города въ вагоны. Чувствовалось, что что то происходитъ и должна наступить перемѣна. Еще дня за три передъ этимъ передавалась вѣсть о ночномъ посѣщеніи казачьяго разъѣзда, который кое-кому сказалъ о наступленіи, предположеннымъ въ 3 часа утра, на первый день Пасхи.

Ошибка вышла на день. Въ ночь на 23-е апрѣля, ровно въ 3 часа утра, раздался пушечный выстрѣлъ, съ разрывомъ у вокзала. То изъ Кривянки казаки ударили по вокзалу. Откуда же взялись они? Ушедшіе 4-го апрѣля изъ Новочеркасска ка-

*) То ворвался въ Ростовъ небольшой отрядъ полк. Дроздовскаго, потомъ отступившій.

заки сначала пошли на Заплавскую и Бесергеневскую, оставивъ въ Кривянкѣ отрядъ для ея защиты. Въ Заплавской началась лихорадочная работа по организаціи отрядовъ изъ мобилизованныхъ казаковъ сосѣднихъ станицъ. Вооруженія и патроновъ было мало; послали гонцовъ къ походному Атаману Попову и онъ, къ общей радости, съ отрядомъ своимъ и Семилѣтова, на пароходахъ, 10-го прибылъ въ Раздорскую станицу. Далѣе стали прибывать отряды изъ другихъ станицъ. Силы были раздѣлены на двѣ части: сѣверная группа, подъ командой Семилѣтова, пошла на Александровскъ-Грушевскій, а другая—южная—образовала фронтъ Персіяновка—Кривянка. Операція подъ Александровскъ-Грушевскимъ не удалась: тамъ были громадныя силы большевиковъ.

Между тѣмъ большевистскія власти, перваго мая по новому стилю, рѣшили побѣдой отпраздновать пролетарскій праздникъ и двинули красногвардейцевъ къ Заплавской и Бесергеневской. Бой шелъ цѣлый день; побѣда склонялась на сторону большевиковъ и станица была уже окружена, какъ вдругъ—ловкимъ ударомъ Кривянцевъ съ тыла и Бесергеневцевъ въ лобъ—дѣло было рѣшено и красногвардейцы въ паникѣ бѣжали. Была получена хорошая и очень нужная добыча: восемь орудій, 500 снарядовъ къ нимъ, 22.000 патроновъ, а главное—бронированный автомобиль, еще такъ недавно устрашавшій обывателя надписью „смерть буржуямъ“ и тотчасъ же передѣланный въ „КАЗАКА“.

22-го вечеромъ всѣми войсками, подъ коман-

дой полковника Денисова, изъ Заплавской началось наступленіе на Новочеркасскъ, къ которому подошли ночью, и перейдя ж. д. путь у Хутунка почти безъ боя, быстро окружили городъ и вошли въ него, отрядами вливаясь въ улицы. Городъ весь проснулся, но притаился по домамъ.

Слышна пулеметная и орудійная стрѣльба на окраинахъ. Потомъ ближе... Вотъ на сосѣдней улицѣ затрещалъ пулеметъ... Группами, спѣшившись, осторожно идутъ казаки по улицамъ... Кое-гдѣ слышна ружейная перестрѣлка. Быстро промчался броневикъ „КАЗАКЪ". Потомъ наступаетъ зловѣщая тишина... Улицы пусты. Было 6 часовъ утра, а около 7-ми снаряды одинъ за другимъ стали падать въ городъ; но скоро и это прекратилось.

Многіе не понимали происходящаго, а когда все замолкло, то съ ужасомъ подумали, что казаки отступаютъ. Но было не такъ: большевики бѣжали—частью пѣшкомъ, частью поѣздомъ и при отступленіи стрѣляли въ городъ изъ орудія. За ними началась погоня.

Круто пришлось недавнимъ господамъ и побѣдителямъ: ихъ трупами былъ усѣянъ Хутунокъ и дорога отступленія. Конечно — комиссаровъ въ городѣ въ это время уже не было: о своемъ спасеніи они позаботились раньше всего. Добыча была громадная, неисчислимая: нѣсколько поѣздовъ, нагруженныхъ ограбленнымъ добромъ, осталось въ Новочеркасскѣ.

Радость въ городѣ была безграничная, но ему пришлось перенести еще одно испытаніе: 25-го

началось наступленіе со стороны Александровскъ-Грушевскаго, съ бронированнымъ поѣздомъ. 26-го цѣпи наступавшихъ были уже у Хутунка, а казачья батарея стояла у Троицкой церкви. Казалось положеніе было критическое, но помощь пришла неожиданно.

Еще наканунѣ получено было извѣстіе объ отрядѣ полковника Дроздовскаго, великолѣпно вооруженномъ, походнымъ порядкомъ, шедшемъ съ румынскаго фронта на соединеніе съ Добровольческой Арміей (исторію отряда см. въ приложеніи).

Дроздовскій отрядъ съ своимъ броневикомъ, ударившій съ фланга, рѣшилъ дѣло и спасъ городъ, *) а вечеромъ онъ съ музыкой, парадно, въ отличномъ порядкѣ вступилъ въ городъ. Впечатлѣніе отъ входа было громадное: нельзя было безъ волненія глядѣть на стройно двигающіеся ряды добровольцевъ, тысячи верстъ прошедшихъ съ боями. Въ это же время прибыли нѣсколько человѣкъ изъ Добровольческой Арміи.

Въ дальнѣйшемъ на Дону началась организація власти и порядка, а также продолженіе борьбы съ большевиками и очищеніе отъ нихъ Области. Въ послѣднемъ большое участіе принимаетъ Добровольческая Армія. Тотчасъ же по взятіи Новочеркасска собирается „Кругъ спасенія Дона", изъ сосѣднихъ станицъ и дружинъ, на немъ выбирается атаманъ, строющій Правитель-

*) Одинъ изъ оплотовъ большевизма, Александровскъ-Грушевскій былъ взятъ 23-го.—25-го нѣмцы и конница, полк. Туровѣрова вошли въ Ростовъ.

ство по типу министерствъ, объявляется самостоятельность Дона подъ названіемъ „Всевеликаго Войска Донского“*) и организуется на новыхъ для Дона началахъ самостоятельная армія изъ всѣхъ родовъ оружія.

Причины отступленія большевиковъ.

Каковы были большевистскія силы на Дону? Почему и куда пошли они съ Дона? Трудно отвѣтить на первый вопросъ. При вступленіи въ Новочеркасскъ эшелоны шли въ Ростовъ около недѣли, чтобы потомъ идти на Кубань. Но по дорогѣ къ пріѣзжимъ присоединялись мѣстные „соціалисты“, главнымъ образомъ изъ разрушенныхъ шахтъ. Всѣ эти силы надо насчитывать тысячъ въ 80—90.

Но вотъ на Страстной, мимо Новочеркасска съ сѣвера на Ростовъ прошла масса эшелоновъ, торопливо, нервно убѣгая отъ невидимаго еще врага. Сколько же прошло ихъ? Тысячи —и убѣгали они отъ нѣмцевъ, которые наступали съ одной стороны изъ Харькова на Лиски, а съ другой—изъ Екатеринослава на Дебальцево—Звѣрево и на Таганрогъ. Еще въ концѣ марта получено было извѣстіе, что нѣмцы около Лисокъ. Слѣдовательно дорога на сѣверъ, для отступавшей безъ боя красной арміи, могла быть закрыта. Оставалась Лихая—Цари-

---

*) „Впредь до образованія единой Россіи“, какъ высказался Кругъ спасенія Дона.

цынъ, по которой часть отправилась, но застряла по дорогѣ изъ-за перегрузки пути и изъ-за борьбы съ казаками. Другая часть бросилась на Ростовъ, изъ котораго пошла по двумъ путямъ: Ростовъ-Тихорѣцкая *) и Ростовъ-Торговая. Такимъ образомъ виновниками отступленія большевиковъ являлись нѣмцы съ одной стороны, а съ другой стороны приближеніе Добровольческой Арміи, которую большевики, въ своихъ газетахъ, уже нѣсколько разъ уничтожали и о которой пойдетъ сейчасъ рѣчь.

---

*) Надо добавить, что красногвардейскія банды, бросившіяся съ награбленнымъ добромъ на Тихорѣцкую-Кавказскую, были встрѣчены боемъ со стороны извѣстнаго большевика съ Дона, Автономова, командующаго большевиками на Кубани. Въ послѣднее время Автономовъ пытался бороться съ грабителями, отбирая у нихъ деньги, и награбленное добро: онъ думалъ также у красногвардейцевъ ввести желѣзную дисциплину; ѣздилъ къ извѣстнымъ генераламъ въ Кисловодскѣ, приглашая ихъ стать во главѣ большевистскихъ силъ для борьбы съ нѣмцами, звалъ офицеровъ, приглашалъ ихъ забыть взаимныя обиды въ виду общаго врага, за что Троцкій и приказалъ ему сложить полномочія и объявилъ его внѣ закона.

Жестокій походъ.

Пс. 106. „Они блуждали въ пустынѣ по безлюдному пути, не находили населеннаго города, терпѣли голодъ и жажду. Душа ихъ истаивала въ нихъ“.

Оставленіе Добровольческой Арміей Ростова *) произошло внезапно. Еще утромъ 9-го февраля штабъ не рѣшилъ вопроса объ эвакуаціи въ этотъ день, и только въ 6 часовъ вечера былъ данъ приказъ объ очищеніи вокзала и отходѣ войскъ изъ Ростова. Войска съ фронтовъ вернулись еще утромъ. Рѣшеніе было принято послѣ неудачи подъ Гниловской, когда казаки бросили позиціи и поставили Корниловскій полкъ подъ удары непріятеля, перешедшаго черезъ Донъ по льду, у Елизаветинской. Казаки не только отказали Добровольческой Арміи въ помощи, но даже— при отступленіи полка—стрѣляли въ него. На остальныхъ фронтахъ казаки также ушли. На Те-

*) Необходимо упомянуть объ отношеніи Ростова къ Арміи. Интеллигенція настроена была хорошо. Какъ и вездѣ—юная учащаяся молодежь горячо откликнулась на призывы Арміи и организовали боевую часть, которая показала себя героями. Соціалистическая городская дума вела себя подло, мало отличаясь отъ тѣхъ преступныхъ и темныхъ элементовъ, которымъ Армія мѣшала взять власть въ руки. Противъ послѣднихъ Армія не могла принять рѣшительныхъ мѣръ: не было не то санкціи Правительства. 26 января организовался союзъ инженеровъ и техниковъ на помощь арміи, выдѣливъ изъ себя такъ называемый военно-техническій штабъ. Эта организація сорвала мертвую забастовку поставивъ въ электрическую станцію и водопроводы, за чернорабочихъ—инженеровъ, техниковъ, адвокатовъ—студентовъ. Она же взяла на себя управленіе и обслуживаніе поѣздовъ, гдѣ рабочихъ уже не было. Она же и техническую работу несла на фронтахъ.

мерникѣ, предмѣстьи Ростова, произошло вооруженное возстаніе рабочихъ. Эти обстоятельства рѣшили дѣло. Пришлось уйти на Аксай и черезъ мостъ Дона спѣшно, оставивъ въ городѣ много снаряженія и вообще всякаго имущества, собраннаго съ большимъ трудомъ. Сосредоточеніе уходящихъ должно было произойти въ Ольгинской. Отрядъ генерала Маркова, находившійся на лѣвомъ берегу Дога и защищавшій Батайскъ, не успѣлъ вернуться по ж.-дор. мосту, вслѣдствіе обстрѣла его, и съ боемъ пробивался впередъ. Одно время объ его отрядѣ были самыя тревожныя извѣстія, къ счастью неоправдавшіяся. Въ Ольгинской Добровольческая Армія стояла 5 дней и численный составъ ея былъ, въ то время, всего около $2^1/_2$ тысячъ человѣкъ. *) Здѣсь же примкнули остатки партизанскихъ отрядовъ и много отдѣльныхъ офицеровъ, такъ что численность возрасла тысячъ до 3-хъ; всѣ эти разрозненные отряды были соединены въ части и конечно подчинены общему командованію Лавра Георгіевича Корнилова.

Военнаго обоза у Добровольческой Арміи почти не было. Вывезли 6 орудій и 1000 снарядовъ, но тѣмъ не менѣе обозъ образовался большой: масса невоенныхъ, женщинъ, даже дѣтей искали спасенія въ Арміи. Отношеніе населенія Ольгинской во время стоянки было терпимое, но стоило Арміи отправиться дальше, какъ сзади казаки напали на обозъ, причемъ была убита

*) Боевого элемента.

сестра милосердія и нѣсколько раненыхъ. Направленіе было взято на Кагальницкую, Мечетинскую и Егорлыцкую, вдоль ж. д. отъ Батайска на Торговую. Казачье населеніе держало нейтралитетъ, но крестьяне были враждебны. Случайные офицеры и группы, отдѣлявшіеся отъ Арміи—погибали. Во всѣхъ хуторахъ и селеніяхъ стояли вооруженныя заставки и арестованныхъ офицеровъ или убивали тутъ же, или отправляли на Торговую. Шли какъ въ потьмахъ, оторванные отъ желѣзнодорожнаго и телеграфнаго сообщенія. Развѣдки почти не было: коннымъ разъѣздамъ выпадала тяжелая работа: они портили пути сообщенія, защищая армію, въ тяжелѣйшихъ условіяхъ дѣлали развѣдку и всетаки часто не было извѣстно, что происходитъ впереди и вокругъ.

Отрядъ походнаго атамана Попова, въ 1500 человѣкъ, на половину кавалерійскаго состава и лучше вооруженный, ушелъ въ Зимовники, въ восточную часть Области и въ Ольгинской*) было рѣшено идти туда же, но на Егорлыцкой перерѣшили идти на Кубань, о чемъ сообщили Попову съ приглашеніемъ присоединиться и съ сохраненіемъ его командованія надъ его отрядомъ. Онъ не согласился, и Армія пошла дальше.

Первый большой бой былъ 23-го февраля, подъ большимъ селомъ Лежанкой, Ставрополь-

---

*) Вечеромъ 13-го тамъ былъ походный атаманъ Поповъ, съ начальникомъ своего штаба Сидоринымъ, убѣждавшій собраніе генераловъ Добровольческой Арміи, идти не на Кубань, а въ Задонскія степи. Есть основаніе предполагать, что тамъ Армія могла бы погибнуть.

ской губерніи, на границѣ съ Донской Областью. Тамъ стоялъ штабъ артиллерійской бригады 39-ой дивизіи съ Кавказскаго фронта; кромѣ того туда подошелъ пѣхотный полкъ той же дивизіи, съ офицерскимъ составомъ. Наступленіе пришлось вести по открытому мѣсту, со спускомъ къ замерзшей рѣчкѣ, которая представляла прекрасную защиту. Былъ солнечный день, но и морозно. Въ авангардѣ шли 600 человѣкъ конницы, а за ней офицерскій полкъ.

Шли прямо въ лобъ. Въ обходъ шли: справа Корниловскій и слѣва партизанскій полки. Красота наступленія была поразительна. Подъ пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ шли какъ на парадѣ, исполняли приказанія, какъ на ученьи. На глазахъ большевиковъ, въ бродъ, по горло въ водѣ перешли рѣку. Въ это же время съ фланга ударилъ Корниловскій полкъ, появленіе котораго было столь неожиданно, что командующій большевиками принялъ ихъ за своихъ. „Товарищи" бѣжали изъ Лежанки, оставивъ 500 труповъ, а потери Добровольческой Арміи убитыми и ранеными было всего около 30. Вошли въ пустое село, въ которомъ Армія отдыхала 2 дня, а потомъ отправилась на Кубань и огромными переходами подошла къ желѣзнодорожному пути выше Тихорѣцкой, у станціи Новолеушковской. Благодаря задержкѣ въ пути, вслѣдствіе болотистой мѣстности, путь пришлось переходить уже при свѣтѣ дня. Съ двухъ сторонъ были бронированные поѣзда большевиковъ, но пути были взорваны по сторонамъ и снаряды ложились далеко отъ обоза, такъ что Армія благополучно перешла путь.

4-го марта былъ большой бой подъ Кореневской, въ 70-ти верстахъ отъ Екатеринодара. Здѣсь имѣлось дѣло съ болѣе организованными частями, въ количествѣ около 17 тысячъ человѣкъ, съ блиндированными поѣздами. Обстрѣлъ былъ жестокій, но вотъ были взяты окопы и большевики бросились къ станціи, гдѣ они и засѣли. Берегъ былъ возвышенный и удобный для обстрѣла, который укашивалъ большевиковъ, попытка же ихъ пойти въ аттаку не удалась и они бросились бѣжать. На станціи была захвачена богатая добыча: 1 орудіе, 1400 снарядовъ, 1000 ружей, 4 вагона съ патронами, 5 съ хлѣбомъ, много сахара, мяса, консервовъ, бѣлья, 45 лошадей и повозки.

Черезъ полтора дня пошли дальше, но здѣсь было получено тяжелое извѣстіе, что Екатеринодаръ уже взятъ. Арміи предстояло выбрать дальнѣйшій путь и было рѣшено идти на соединеніе съ Кубанскимъ отрядомъ, вышедшимъ изъ Екатеринодара на югъ. Многіе думали, въ томъ числѣ и генералъ Марковъ, что перейдя черезъ Кубань армія пойдетъ по безопаснымъ путямъ, безъ встрѣчи съ большими непріятельскими силами, но это оказалось не такъ.

Открылась партизанская война и по Добровольческой Арміи велась стрѣльба изъ перелѣсковъ, камышей, кустовъ, домовъ, садовъ, амбаровъ. Обстрѣливали изъ пулеметовъ и орудій. Села, черезъ которыя приходилось проходить, были покинуты населеніемъ и въ нихъ оставались старики и женщины, имѣвшіе нелѣпыя и страшныя представ-

ленія о Добровольческой Арміи,*) но какъ только Армія покидала селенія—появлялись шайки, которыя нападали неожиданно, и днемъ и ночью. Приходилось переходить рѣки, пересѣкать желѣзнодорожные пути, брать съ боя переправы, переправлять по узкимъ, высокимъ мостикамъ обозъ съ ранеными, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Армія шла безъ тыла, окруженная со всѣхъ сторонъ, ведя сразу авангардные и арьергардные бои и охраняя обозъ. Пробивалась черезъ рѣки, шла все впередъ и впередъ, не зная что ожидаетъ ее впереди, найдется ли хоть ночь, спокойная для отдыха, или же опять бои и ужасъ неожиданныхъ нападеній. Не было ничего легче какъ закрыть переправы, но большевики сдѣлать этого не умѣли, и Армія шла, всюду пробиваясь, благодаря героизму и отчаянію кучки неутомимыхъ бойцовъ. Вѣдь каждый зналъ, что малѣйшая неудача могла привести всѣхъ къ гибели, позорной и мучительной смерти.

Каждый день бой, каждый часъ—подъ обстрѣломъ. Бои со всѣхъ сторонъ. Трудно представить себѣ обстановку этого похода. А обозъ съ ранеными находился также подъ обстрѣломъ, какъ и боевыя части. Снаряды рвались вокругъ него, ранили и убивали сестеръ милосердія, прислугу и самихъ раненыхъ. Это было время ужаса и невѣроятныхъ мученій. И удивительное дѣло: въ этомъ аду не было паники, всѣ дѣлали свое дѣло.

---

*) ...„А намъ говорили, что у кадетъ по одному глазу", серьезно говорила одна баба знакомому полковнику.

Въ 30-ти верстахъ къ югу отъ желѣзнодорожнаго пути, 9-го февраля, съ боемъ взяли Филипповскую и черезъ 3 часа перешли рѣку Бѣлую, тоже съ боемъ. Потомъ дальше пошелъ крутой спускъ къ рѣкѣ, съ узкимъ мостикомъ, шириной въ одну полоску, По ту сторону низина, поросшая кустарникомъ. Съ большими трудностями переправляется обозъ по трясущимся доскамъ моста. Снаряды рвутся около моста и перелетаютъ черезъ него, падаютъ въ воду, но мостъ къ счастью остается цѣлымъ. Лентой вытянулся обозъ по равнинѣ. Корниловъ наблюдаетъ у моста, пока не переправилась послѣдняя повозка. Обозъ расположился таборомъ въ котловинѣ. Но вотъ выстрѣлъ и разрывъ гранаты на землѣ; потомъ вскорѣ разрывъ шрапнели на голубомъ небѣ, съ бѣлымъ вѣнкомъ. И, наконецъ, начинается обстрѣлъ уже съ трехъ сторонъ; пересѣкая другъ друга летятъ снаряды. Гибли лошади, слышались стоны раненыхъ, но обозъ стоялъ на томъ же мѣстѣ. Впереди шелъ уже бой. Изъ лѣсочка шла густая цѣпь противника. Изъ обоза всѣхъ способныхъ носить оружіе зовутъ въ бой и вотъ цѣпью идутъ раненые и невоенные на встрѣчу большевикамъ. Силъ было мало, бились цѣлый день. На стогу, въ степи, стоитъ человѣкъ въ полушубкѣ. Кругомъ летятъ снаряды, свищутъ пули. Это — Корниловъ. „Въ аттаку!“—раздается приказъ, и черезъ 10 минутъ по фронту слышится „ура“ и громадныя массы большевиковъ отогнаны. Къ вечеру обозъ выѣхалъ въ лощину по полевой дорожкѣ и вышелъ изъ-подъ обстрѣла.

Въ это время въ Арміи разнесся слухъ, что отъ генерала Эрдели, посланнаго еще въ декабрѣ въ Екатеринодаръ, прибыли гонцы. И дѣйствительно, они сообщили, что Кубанскій отрядъ, тѣснимый большевиками, находится въ 30-ти верстахъ около Калужской, въ очень тяжеломъ положеніи. Вѣсть о Кубанскомъ отрядѣ, тѣмъ не менѣе, была встрѣчена съ восторгомъ.

Послѣ Филипповской начинается полоса ауловъ, по которымъ передъ тѣмъ прошли большевики, произведя ужасныя опустошенія, перерѣзавъ молодежь сотнями. Населеніе со страхомъ принимало Армію, боясь, что послѣ ухода ихъ ожидаетъ месть. Мѣстность пошла гористая, вдали стали видны цѣпи Кавказскихъ горъ. Мелкій кустарникъ густо покрывалъ холмы и болотистыя грязныя низины.

Здѣсь рѣшено было отправить часть обоза въ Кубанскій отрядъ, а Армія свернула на Ново-Дмитріевскую.

Это былъ безпримѣрный походъ, названный ледянымъ.

Туманъ плотно лежалъ на землѣ и шелъ дождь. Надо было перейти рѣчку, безъ мостка, вздувшуюся отъ дождя. Пошли въ бродъ, по горло въ холодной водѣ. Но вотъ подулъ вѣтеръ, дождь превратился въ снѣгъ и все быстро обледенѣло. Немного погодя опять рѣка; идти дальше казалось немыслимо: люди земерзли. Двухъ плѣнныхъ послали искать брода и вотъ обледенѣлые, окоченевшіе люди опять идутъ въ воду. Послѣ перехода били другъ друга, чтобы разбить ледяной покровъ;

сковывавшій движенія.*) Съ боемъ вошли въ станицу—Корниловъ первый,—и всю ночь шелъ бой внутри ея, но къ утру она была уже вновь окружена и обстрѣливалась; но въ концѣ концовъ большевики все-таки бѣжали.

Трудно передать словами этотъ походъ. Надо было бы здѣсь замерзнуть, погибнуть, но огонь согрѣвалъ души героевъ, окружалъ непроницаемой броней, освѣщалъ дорогу. Огнемъ этимъ была Родина.

Въ это время обозъ пришелъ въ Калужскую и встрѣтился съ Кубанскимъ отрадомъ. Въ составѣ его было около 2000, изъ нихъ 1000 конницы, съ черкесскимъ полкомъ. Здѣсь же были члены Кубанскаго правительства и Рады, до 80-ти человѣкъ, составлявшихъ особый вооруженный отрядъ; тамъ же былъ и Родзянко, бывшій предсѣдатель Государственной Думы. Между прочимъ ни правительство, ни Рада не слагали съ себя полномочій, въ противоположность Донскому. Кубанскій отрядъ, загнанный въ горы, безъ снарядовъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, былъ обреченъ на гибель, поэтому встрѣча отрядовъ влила бодрость въ ряды борцовъ и дала большую радость. Въ ряды Добровольческой Арміи влилась столь недостающая ей конница, оказавшая потомъ неоцѣнимыя услуги при захватѣ переходовъ черезъ Кубань.

Теперь рѣшено было идти на Екатеринодаръ. Въ Ново-Дмитріевкѣ отрядъ, благодаря непролаз-

*) „Сыровато", шутилъ съ сосѣдомъ ген. Марковъ при переправѣ.

нымъ дорогамъ, задержался дней на семь. Отрядъ вышелъ только тогда, когда дорога немножко обсохла. Глубокій снѣгъ, покрывавшій всю мѣстность, таялъ, превращался въ воду и грязь и мутными потоками вливался въ горные ручьи, превращая ихъ въ непроходимыя водныя пространства. Повозки вязли, артиллерія съ трудомъ двигалась. Раненымъ приходилось покидать подводы и идти пѣшкомъ, въ грязи, по водѣ, поддерживая другъ друга. Было холодно, а обогрѣться негдѣ: зажигать костры было запрещено изъ опасенія обстрѣла. Впереди предстояла трудная задача перехода, у Георгіе-Афинской, черезъ желѣзнодорожный путь, гдѣ большевики сосредоточили громадныя силы, съ блиндированными поѣздами изъ Новороссійска и Екатеринодара.

Сама Афинская, огражденная рѣкой, съ однимъ бетоннымъ мостомъ, представляла изъ себя грозную защиту и тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ выгоды положенія, непріятель 22-го былъ выбитъ изъ станицы, хотя взятіе ея и потребовало много жертвъ и въ значительной мѣрѣ истощило запасы снарядовъ*). Между тѣмъ кавалерія генерала Эрдели, быстрыми переходами на сѣверъ, успѣла захватить переправу черезъ Кубань въ 18-ти верстахъ отъ Екатеринодара, около станицы Елизаветинской, расположенной на правомъ берегу. Армія подошла къ лѣвому берегу. Предстояла трудная задача

*) Во все время похода было всего снарядовъ около 3 тысячъ, тогда какъ большевики въ одинъ часъ выбрасывали иногда до 500 снарядовъ.

переправы единственнымъ, небольшимъ и испорченнымъ паромомъ, съ громаднымъ обозомъ (окол 1000 повозокъ), подъ обстрѣломъ. Паромъ поднималъ не болѣе 15-ти всадниковъ или 4-хъ повозокъ. При такихъ условіяхъ переправа продолжалось четыре дня. Только отвага и руководство генераловъ рѣшило эту военную задачу. Переправа задержала не только обозъ, но и нѣкоторыя боевыя части, такъ что приступъ на Екатеринодаръ пришлось сдѣлать не всѣми силами Арміи, а только частью ея.

28-го марта подошли къ Екатеринодару. Въ городѣ сосредоточивались отовсюду колоссальныя силы большевиковъ изъ солдатъ и матросовъ. Изъ нѣсколькихъ блиндированныхъ поѣздовъ открылся убійственный огонь, на который артиллерія Добровольческой Арміи принуждена была молчать за недостаткомъ снарядовъ; тѣмъ не менѣе порывъ былъ такъ великъ, такъ велико было желаніе взять городъ, что бригада, подъ командой ген. Богаевскаго и офицерскаго полка генерала Маркова ворвалась въ городъ и ночью партизанская рота была въ его центрѣ. Было солнечное утро и далеко были видны куполы собора и церквей... На голубомъ небѣ разрывались дымками снаряды. Для каждаго изъ борцовъ взятіе города представлялось спасительнымъ выходомъ изъ положенія: у кубанцевъ родные и близкіе въ городѣ; взять—значитъ спасти ихъ отъ звѣрствъ и смерти; для другихъ городъ представлялся мѣстомъ, гдѣ измученныхъ ожидалъ отдыхъ, а раненыхъ возможность спокой-

но лечиться послѣ мученій и отдохнуть послѣ тяжестей пути.

На ураганный огонь орудія отвѣчали нѣсколькими выстрѣлами и тѣмъ не менѣе непріятеля выбивали быстро изъ каменныхъ зданій. Двѣ роты офицерскаго полка, подъ командою генерала Маркова, выбили нѣсколько тысячъ солдатъ изъ артиллерійскихъ казармъ, въ которыхъ былъ захваченъ большой запасъ патронъ. Ожесточенный бой продолжался. Палъ любимецъ Корнилова, командиръ его полка, молодой еще подполковникъ М. О. Нѣжинцевъ. Какъ съ сыномъ простился зъ нимъ Корниловъ, склонясь надъ нимъ, поцѣловавъ и перекрестивъ его. Смертью храбрыхъ пало не мало, но непріятеля погубили еще больше. По признанію большевиковъ всего выбыло у нихъ 14 тыс.

Взятіе города казалось невозможнымъ, но для Корнилова ничего не было невозможнаго. Самъ онъ, со штабомъ, помѣщался въ небольшомъ домикѣ агрономической фермы, находившейся въ 3-хъ верстахъ отъ города; она была все время подъ сильнѣйшимъ артиллерійскимъ обстрѣломъ. 31-го было солнечное утро. Сквозь туманъ виднѣлся желанный городъ. Было около шести часовъ утра, когда мѣнялся патруль около домика, и тотчасъ же непріятельская артиллерія стала усиленно обстрѣливать его, замѣтивъ передвиженіе людей. Снаряды ложились кругомъ дома, одинъ попалъ въ крышу. Корнилова просили уйти, указывая на опасность, но онъ ея, какъ и всегда, не замѣчалъ и продолжалъ отдавать послѣднія приказанія штабу, чтобы обойти войска во время боя. Онъ раз-

говаривалъ въ своей комнаткѣ, изъ которой только что вышелъ ген. Богаевскій съ адъютантомъ, и въ этотъ моментъ въ комнату влетѣлъ снарядъ, ударившій подъ столъ, за которымъ сидѣлъ генералъ. Адъютантъ былъ отброшенъ въ сторону и остался живъ. Корниловъ, смертельно раненый, былъ вынесенъ на берегъ Кубани; тамъ онъ испустилъ послѣдній вздохъ и его на стало.

И такъ перестало биться сердце, мучительно тосковавшее за многострадальную Родину, преданную, опозоренную, которой онъ отдавалъ свою жизнь, бывшую уже и тогда легендой. Ушелъ герой націи, великій гражданинъ, смѣло крикнувшій власти, во главѣ съ адвокатомъ—болтуномъ, правду объ Арміи и опасности для родины той политики, которую вели политическіе невѣжды и трусливые демагоги, изъ трусости потомъ предавшіе Корнилова. Вспомните позорные дни въ концѣ августа, когда Корниловъ крикнулъ сынамъ родины: „Тяжелое сознаніе неминуемой гибели страны повелѣваетъ мнѣ, въ эти грозные дни, призвать всѣхъ русскихъ людей къ спасенію умирающей Родины, всѣхъ—у кого бьется въ груди русское сердце, кто вѣритъ въ Бога, въ право,-въ храмъ... Предать Россію въ руки ея исконняго врага и сдѣлать народъ рабами нѣмцевъ я не могу, не въ силахъ, и предпочитаю умереть на полѣ чести и брани, чтобы не видѣть позора и срама русской земли". Но не послушался его обманутый народъ, не послушалась своего Верховнаго Командующаго и армія, находившаяся уже въ цѣпкихъ лапахъ безчисленныхъ растлите-

лей ея; и вотъ герой войны, главнокомандующій— тутъ же на войнѣ, почти на фронтѣ, бросается въ тюрьму, и не только онъ, но и весь цвѣтъ арміи, ея мозгъ.

Потомъ побѣгъ, работа на Дону, походъ и, наконецъ, можетъ быть желанная смерть на поляхъ Кубанскихъ.

Погибъ тотъ, чья неукротимая воля и любовь къ Родинѣ заставляла Добровольческую Армію выносить всѣ ужасы и страданія похода и идти на смерть съ единственной увѣренностью, что онъ, ея командующій и любимый вождь, можетъ привести ее къ побѣдѣ, что съ нимъ она непобѣдима.*)

Доколѣ будетъ существовать Россія—въ ней будетъ жива память о Корниловѣ, великомъ полководцѣ, гражданинѣ и патріотѣ.

Вѣсть о смерти его не могла быть скрыта, не смотря на попытки скрыть ее, и быстро распространилась по Арміи и впервые тогда сказался упадокъ духа: трагическая вѣсть объ утратѣ и безпредѣльная утомленность повели къ нему, а впереди страшно вооруженный врагъ, численно во много разъ превосходившій Добровольческую Армію. Совѣщаніе командного состава, учитывая об-

---

*) Недаромъ въ пѣснѣ Корниловскаго полка говорится: „Дружно„ Корниловцы въ ногу—съ нами Корниловъ идетъ: спасетъ онъ, повѣрьте, отчизну, не выдастъ онъ русскій народъ. Корнилова носимъ мы имя, послужимъ же честно ему, доблестью нашей поможемъ—спасти отъ позора страну“.

становку, рѣшило оставить Екатеринодаръ и Армія двинулась на сѣверъ, окруженная кольцомъ озвѣрѣлыхъ людей.

Командованіе принялъ генералъ Деникинъ, до сихъ поръ не имѣвшій командованія въ Арміи. Предстояла трудная задача: Армію, ослабленную потерями, какъ людьми, такъ и боевымъ снаряженіемъ, съ подорваннымъ—потерею вождя и отходомъ—духомъ, пришлось выводить окруженной со всѣхъ сторонъ, чрезъ рядъ переходовъ ж.-д. путей и водныхъ пространствъ и при томъ съ громаднымъ обозомъ. Первый походъ былъ въ 80 верстъ, безъ отдыха, пѣшкомъ, а дальше вся пѣхота была посажена на подводы и быстрыми маршами, по 90 верстъ въ сутки, шла безъ отдыха день и ночь. Благодаря этимъ невѣроятнымъ усиліямъ удавалось выходить изъ кольца вражеской петли.

Одинъ изъ трудныхъ моментовъ переживался въ одной нѣмецкой колоніи. Былъ только что сдѣланъ переходъ въ 80 верстъ. Большевики изъ Елизаветинской придвинули 6 орудій и стали громить поселокъ въ одну улицу, гдѣ густо былъ собранъ обозъ и армія. Весь день непрерывный огонь. Положеніе казалось критическимъ. И вотъ, пришлось оставить значительное количество военнаго имущества, но что особенно ужасно и трагично—оставить и тяжело раненыхъ*).

---

*) Раненые оставлены также въ Елизаветинской, Дятковской и Ильинской. Всего ихъ было около 200, изъ нихъ убито большевиками 5 человѣкъ.

Положеніе этихъ страдальцевъ въ продолженіи похода было невѣроятнымъ. Ни въ одной войнѣ никогда раненые не находились въ такомъ ужасномъ положеніи, какъ въ этомъ походѣ. Цѣлыми днями—безъ перевязокъ, безъ отдыха, съ разбитыми костями, когда каждое движеніе вызываетъ боль до обморока, ихъ везли день и ночь,—везли по ужаснымъ, опаснымъ дорогамъ, подъ дождемъ, снѣгомъ, ледянымъ вѣтромъ. При переправахъ черезъ воду кто могъ, вставалъ на ноги, но не всѣ могли это дѣлать и со своими ужасными мучительными ранами погружались они въ ледяную, грязную воду и ѣхали дальше, подъ вѣтромъ, мокрые, на мокрой соломѣ, безъ прикрытія, безъ перевязокъ... Негдѣ, нечемъ, некогда... Замерзали, отмораживали руки, ноги.

Вотъ повозка... Въ ней 2 раненыхъ; 1 въ агоніи цѣлый день, и не приходитъ смерть—избавительница; рядомъ другой, другъ умирающаго, стонущій отъ боли и ужаса. Не хватаетъ больше силъ терпѣть... выстрѣлъ—и съ жизнью окончены разсчеты. Былъ случай, когда другъ покончилъ съ раненымъ другомъ, по просьбѣ послѣдняго.

И вотъ пришелъ моментъ оставить дорогихъ и близкихъ и предать ихъ въ руки враговъ—звѣрей. Нашлись сестры милосердія и врачи, пожелавшіе раздѣлить съ ними кровавый и мученическій конецъ. Это былъ самый тяжелый моментъ въ переживаніяхъ человѣческихъ.

Однако большевики, обстрѣливая, не рѣшались брать приступомъ и этимъ положеніе было

спасено. Вечеромъ обозъ вытянулся изъ колоніи и быстро, на рысяхъ пошелъ по дорогѣ. Снаряды рвались мѣткимъ прицѣломъ, очередями, и дѣлали передвиженіе всей массы обоза по одной дорогѣ невозможнымъ. Пришлось отыскивать и прокладывать новые пути, по болотистымъ мѣстамъ. Повозки вязли, замученныя лошади падали; раненые бросали повозки и пѣшкомъ перебѣгали опасныя мѣста, подъ обстрѣломъ. Прошли часы, пока повозки не выбрались, наконецъ на дорогу, внѣ непріятельскаго обстрѣла.

Холодная ночь. Дулъ ужасный нордъ-остъ, проникавшій чрезъ одежду до костей. Стоны раненыхъ и мольбы о теплой одеждѣ не прекращались всю ночь. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать. Проходили болота, водныя пространства, спускались въ лощины, опять поднимались, двигаясь по неизвѣстнымъ направленіямъ. Знали только, что предстоитъ перейти желѣзнодорожный путь, гдѣ большевики уже караулили съ бронированными поѣздами. И вотъ, съ зарей, послышалось три пушечныхъ выстрѣла и пулеметная стрѣльба. Тотчасъ же распространился слухъ, что Армія уже наткнулась на большевиковъ и что генералъ Марковъ убитъ, но ближе и ближе,—и предъ глазами картина поля: въ полутьмѣ видны телеграфные столбы, на путяхъ трупы—трудно разобрать чьи; какъ мертвое чудовище стоитъ бронированный поѣздъ съ обгорѣлыми вагонами. Въ бѣлой папахѣ генералъ Марковъ, отдающій приказанія. Его рѣшительности и храбрости Армія была обя-

зана спасеніемъ. Съ револьверомъ въ рукѣ, съ кучкой молодежи вокругъ, онъ подбѣжалъ къ паровозу и крикнулъ: „Остановить поѣздъ“! Поѣздъ остановился, снарядъ ударилъ въ колеса паровоза, въ ходъ пошли ручныя гранаты и большевики въ паникѣ бросились изъ вагоновъ*). Недостатокъ артиллерійскихъ снарядовъ былъ пополненъ изъ богатой добычи и духъ Арміи снова поднялся и снова явилась увѣренность, что она выйдетъ изъ любого положенія.

Отсюда, избѣгая встрѣчъ, переходами по ночамъ Добровольческая Армія перешла къ границѣ Ставропольской губерніи, въ станицу Успенскую. Здѣсь предстояло рѣшить: идти ли на югъ Кубанской области, въ Баталпашинскій округъ, гдѣ, по слухамъ, станицы уже возставали одна за другой, или идти въ Ставропольскую губернію и дальше въ Астраханскія степи, или же, наконецъ, отправиться на Донъ. Сюда въ Успенскую проникли свѣдѣнія о возстаніи на Дону. И дѣйствительно, пришли уполномоченные отъ нѣсколькихъ станицъ, съ просьбой придти на помощь. Рѣшено послѣднее и изъ Успенской пошли огромными переходами, идя день и ночь, по полтора сутокъ, безъ отдыха. Перейдя желѣзнодорожный путь у Бѣлой Глины, Армія вышла на Горькую Балку, откуда, не отдыхая, повернула на Лежанку, которая была взята безъ боя. Въ это время уже Добровольческая Армія раздѣлилась на рядъ отрядовъ, по раз-

*) Это произошло подъ Медвѣдовской.

нымъ направленіямъ. Бригада генерала Богаевскаго ушла впередъ, на Мечетинскую и Кагальницкую, разбивъ большевиковъ въ рядѣ сраженій по хуторамъ. Путь на Торговую большевикамъ былъ прегражденъ и южныя станицы Дона приходомъ Добровольческой Арміи были спасены.

Въ Лежанкѣ былъ одинъ офицерскій полкъ, которому приходилось всю Страстную недѣлю отбивать наступленіе. Пасхальная ночь была проведена въ окопахъ и пасхальный звонъ былъ для нѣкоторыхъ погребальнымъ звономъ. Обозъ съ ранеными вышелъ изъ Лежанки въ субботу утромъ и только въ полночь подошелъ въ Егорлыцкую. Раненые были встрѣчены церковнымъ звономъ пасхальной заутрени.

Какая разница момента входа Добровольческой Арміи—съ ея выходомъ два съ половиной мѣсяца назадъ! Тогда она отступала, къ ней боялись присоединиться, въ нее стрѣляли, ее гнали отъ себя прочь. Теперь же ее желали, просили, ждали, встрѣчали какъ желанную.

Штабъ Добровольческой Арміи остановился въ Мечетинской, гдѣ и оставался до новаго похода, но судьба скоро напомнила о себѣ съ большой ироніей: когда раненые отправились изъ Мечетинской въ Новочеркасскъ, то при переѣздѣ черезъ Донъ у Аксая они увидѣли идущій поѣздъ, въ 1-й разъ за все время не стрѣлявшій въ нихъ: то былъ нѣмецкій эшелонъ.

10-го Добровольческая Армія, отдохнувшяя и значительно пополненная, начала рядъ блестящихъ операцій по направленію къ Кубани и этимъ начала блестящую страницу своей жизни, которыхъ будетъ еще много*).

Въ самомъ началѣ этихъ операцій пришло опять тяжкое испытаніе. 12-го іюня, въ самомъ концѣ боя, когда уже была взята ст. Шабліевка, послѣднимъ снарядомъ былъ смертельно раненъ ген. С. Л. Марковъ. Очнувшись послѣ раненія, умирающій герой спросилъ: „Какъ дѣла"? Далѣе онъ успѣлъ благословить кубанцевъ иконой и сказалъ: „Вы умирали за меня, теперь я умираю за васъ". И послѣдними словами его были: „вѣрю что Россія снова будетъ Единой, Великой, Могучей"**).

Вотъ и конецъ этого безпримѣрнаго въ военныхъ лѣтописяхъ, суроваго, жестокаго и трагическаго похода. Онъ описанъ здѣсь схематично, далеко не полно, съ указаніемъ лишь нѣкоторыхъ моментовъ. Вѣдь было 35 крупныхъ боевъ, не считая мелкихъ стычекъ, почти постоянныхъ. Это былъ крестный путь, полный трагизма: двухъ мѣсячный танецъ смерти, безпрерывный напряженный турниръ съ ней. Это единственный походъ,

---

*) 2-мъ Кубанскимъ походомъ, въ результатѣ котораго очищена Кубань, закончена была блестяще 3-я глава изъ героической исторіи Арміи. Далѣе для Арміи, съ приходомъ союзниковъ и съ разгромомъ нѣмцевъ, начинается совершенно новая эра.

**) Ген. Марковъ съ большими почестями похороненъ въ Новочеркасскѣ.

когда снаряды и снаряженіе приходилось добывать побѣдой надъ врагомъ. Это единственная исторія маленькой арміи, лишенной и базы, и тыла, брошенной въ огненное море, лишенной всякаго общенія съ міромъ, постоянно окруженной кольцемъ озвѣревшихъ враговъ. И врагъ лютый, до зубовъ вооруженный и снабженный всѣми техническими средствами войны. И армія дралась, беззавѣтно и храбро дралась не съ врагомъ Россіи, на нее наступающимъ, а съ предателями, обманщиками и частью обманутаго Русскаго народа, погубившаго Родину. Поэтому борьба эта была особенно тяжела. Дралась за честь и достоинство Россіи, ея право и порядокъ, съ единственнымъ знаменемъ въ рукахъ, на которомъ огненнымъ неугасимымъ словомъ было написано: „Россія". Это знамя шло впереди во всѣхъ бояхъ, освѣщало дорогу въ темныя ночи, согрѣвало замерзающихъ, прикрывало отъ непогоды и ледяного вѣтра, защищало отъ снарядовъ и пуль. Россія была всегда передъ глазами храбрецовъ. Это она заставила сдѣлать походъ, это она заставила людей улыбаться танцующей кругомъ смерти, это она дѣлала ихъ всегда побѣдителями въ бояхъ, въ каждомъ изъ которыхъ они могли бы и должны были бы погибнуть. Но они побѣждали, и это была побѣда правды надъ ложью, духа надъ матеріей, свѣта надъ тьмой, права надъ насиліемъ. Въ нихъ, въ этихъ храбрецахъ, жила Россія и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ ея не существовало, и въ ней никого больше не было. Въ самомъ дѣлѣ: гдѣ были крупныя волевыя личности, гдѣ горѣли факелы яркіе? Нѣтъ,

ихъ не было, а вмѣсто факеловъ горящихъ—всюду тлѣвшіе огарки. Были ли какія-нибудь соціальныя группы и политическія партіи, которыя оказывали бы сопротивленіе иноплеменнымъ захватчикамъ и насильникамъ надъ Россіей? Гдѣ были промышленники, капиталисты, потомъ платившіе большевикамъ милліонныя контрибуціи, отказывая въ рубляхъ Добровольческой Арміи? Гдѣ были соціалъ-революціонеры, праздновавшіе якобы державную побѣду въ партійной борьбѣ, лживо себя называвшіе представителями милліонныхъ массъ, которыя, конечно, за ними никуда не пошли и идти не могли? Гдѣ были наши литераторы, публицисты, писатели? Гдѣ были десятки тысячъ офицеровъ и чѣмъ занимались они, когда Добровольческая Армія истекала кровью? Гдѣ же были наши многочисленные министры отъ революціи, эти благодѣтели Россіи и Народа Русскаго и въ чемъ проявилось ихъ мужество? Куда они исчезли, въ какихъ щеляхъ попрятались, жалкіе трусы и балаганные фигляры на грязныхъ окровавленныхъ подмосткахъ „великой“ революціи?

Одинъ, только одинъ человѣкъ, среди рабскаго молчанія, громко на всю Россію сказалъ большевикамъ: „Богомъ данной властью, проклинаю васъ“.—Это былъ Патріархъ.

Да, свѣтлой Россіи какъ бы не было; она спрятала свой образъ у Добровольческой Арміи. Осталась черная Русь, Ариманова, Русь насилія, распутства, звѣрства, одичанія, святотатства, предательства. Свѣтлая Русь вмѣстѣ съ Добровольческой Арміей вела смертельную борьбу за свой на-

ціональный ликъ. Вѣдь національность была одіознымъ понятіемъ и вслухъ нельзя было говорить о національныхъ задачахъ Россіи, ибо въ это время, чрезъ русскіе трупы на поляхъ войны, господа отъ революціи протягивали свои нечистыя руки на предметъ „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь", нисколько, конечно, не вѣря въ это соединеніе. Національное чувство было оскорбляемо, унижено, загнано, и только въ Добровольческой Арміи оно нашло себѣ выраженіе, и только она одна являлась активной и живой носительницей національной идеи. Вотъ почему она не просто Армія, аполитичная и только стоящая на стражѣ законовъ и порядка въ странѣ; нѣтъ,—она была и есть живое тѣло и кровь Государства, всей живой Россіи. Добровольческая Армія была ковчегомъ національной идеи. Въ ней же были припрятаны и другія русскія цѣнности. которыя не успѣли разграбить и уничтожить проходимцы и грабители, назвавшіеся народными комиссарами.

Въ этомъ ковчегѣ сохранена была идея Родины, порядка и закона и вообще государственная мудрость. Добровольческая Армія нашла въ себѣ силы духа для защиты этихъ драгоцѣнностей отъ врага. Крѣпка была Добровольческая Армія единственнымъ оружіемъ, переданнымъ ей еще средними вѣками. Оружіе это: вѣра, надежда и любовь и еще одна добродѣтель, которой такъ нехватало нашей революціонной власти, свободной отъ нея: честь, какъ живое цѣлостное чувство, заставившее съ оружіемъ въ рукахъ сражаться за поруганную, обманутую, ограбленную Русь и предпочесть смерть

жизни рабовъ. Добровольческая Армія ея рыцарь, служившій ей безстрашно и беззавѣтно, рыцарь,— скиталецъ по степямъ Донскимъ и Кубанскимъ.

Въ тяжкіе моменты бытія Руси собиралась рать бойцовъ изъ желѣза и стали и спасала страну. Преемственно стягъ русскій передавался изъ рукъ въ руки въ теченіе вѣковъ. Въ позорные дни и мѣсяцы „великой русской революціи“ стягъ русскій хранился у Добровольческой Арміи, которая жизнью своей спасала духовный внутренній образъ Россіи.

„Россіи нѣтъ“ бормотали люди, не знавшіе Добровольческой Арміи.

„Есть Россія“—кровью и страданіями засвидѣтельствовала всему міру Добровольческая Армія.

И Россія жива и будетъ жить.

Да здравствуетъ Россія!!

Да здравствуетъ Добровольческая Армія!

КОНЕЦЪ.

Письмо Предсѣдателя Совѣта управляющихъ отдѣла Всевеликаго Войска Донского, генералъ-лейтенанта А. Богаевскаго, къ автору.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ!

Прочиталъ вашу рукопись, и мнѣ хочется, с Вашего разрѣшенія, добавить къ ней нѣсколь строкъ...

Скоро исполнится годъ, какъ волею судьб мнѣ пришлось принять дѣятельное участіе въ с бытіяхъ на Дону и Кубани: въ январѣ—въ ро командующаго войсками Ростовскаго раіона, в составъ которой входили и только что зарод шіяся части Добровольческой Арміи, въ февраля мартѣ и апрѣлѣ—во время 1-го Кубанскаго пох да—въ должностяхъ командира партизанска полка и 2-ой бригады этой Арміи, а съ мая и д сего дня—Предсѣдателемъ Совѣта управляющих отдѣлами Правительства Всевеликаго Войска До ского.

На порогѣ грядущихъ великихъ событій,— можетъ быть недалекаго воплощенія святой ме ты нашей—возрожденія Единой Великой Матер Россіи, я искренно привѣтствую появленіе в свѣтъ Вашего труда—цѣннаго вклада въ будущу исторію нашихъ бурныхъ дней.

Переживъ весь ужасъ развала нѣкогда доб-
ѣстной Русской Арміи, измѣну очарованнаго
ольшевизмомъ казачества, безмѣрныя страданія
рагическаго Корниловскаго похода и возрожденія
уха и старинной доблести казачьей, я глубоко
ѣрю, что уже скоро разсѣется грозная туча надъ
ашей несчастной Родиной! Святою кровью без-
исленныхъ невинныхъ жертвъ возродится она къ
овой жизни...

Еще льется кровь и слезы, но да будутъ онѣ
ослѣдними!

Уже Донъ и Кубань, съ помощью Доброволь-
еской Арміи, могучими рѣшительными усиліями
бросили съ себя позорное иго шкурнаго больше-
изма; раздѣлалась съ нимъ и Сибирь... Съ дале-
аго Запада идутъ къ намъ на помощь вѣрные
оюзники—побѣдители... да будетъ благословенъ
хъ приходъ!

Но много горя и труда еще впереди! Въ тяж-
ой борьбѣ за честь и свободу Родины, за осво-
ожденіе ея отъ убійцъ и грабителей, да помо-
етъ намъ Господь, Великій Богъ Земли Русской!

Искренно уважающій Васъ

А. Богаевскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ

А. М. Калединъ и М. П. Богаевскій.

„Помутился славный Тихій Донъ-
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря—Азовскаго;
Помѣшался весь казачій Кругъ:
Атамана больше нѣтъ у насъ“...
(Изъ старой пѣсни).

Оба въ одно и то же время пришли къ власти. Оба волею казачьяго большого іюньскаго Круга возведены: одинъ въ Атаманы, а другой—въ его помощники. Встрѣтились, полюбили другъ друга, какъ отецъ сына и сынъ отца. Прошли, съ самаго начала приковывая къ себѣ вниманіе и друзей и враговъ Россіи, до своего конца и оба, одинъ за другимъ, ушли съ горькимъ чувствомъ преданныхъ и покинутыхъ людей; одинъ самъ ушелъ, а другой палъ жертвой отъ рукъ подлыхъ убійцъ.

Калединъ родился въ 1861 г. Обычная семья военнаго полковника—казака Усть-Хоперской станицы. Но какъ необычна судьба родившагося! Съ дѣтства простое незатѣйливое воспитаніе, далѣе гимназія, потомъ кадетскій корпусъ въ Воронежѣ и, наконецъ, Михайловское Артиллерійское училище. И все талантливо, все съ блескомъ. Годы, проведенные съ нимъ его товарищами въ Артиллерійскомъ училищѣ, были потомъ однимъ изъ нихъ отмѣчены въ литературѣ. Еще тогда выдѣ-

лся онъ; еще тогда, не смотря на юность, былъ
рогій, честный, прямой судья среди товарищей
школѣ. Дальше—служба въ Читѣ и, черезъ
и года, Академія. Тамъ его работы были об-
зцомъ, а самъ онъ—авторитетомъ среди офи-
ровъ-академистовъ. Потомъ опять служба, но
е въ кавалеріи: въ Плоцкѣ, Ломжѣ, Варшавѣ.
1895 г. онъ старшимъ адъютантомъ въ Ново-
окасскѣ и преподавателемъ въ Юнкерскомъ учи-
щѣ. Потомъ три года въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ,
обы снова, съ радостью, вернуться въ Новочер-
скъ, въ 1903 г.—начальникомъ Юнкерскаго
илища. Съ любовью ведетъ школу и за то, съ
бовью потомъ, вспоминаютъ о немъ ученики
. Далѣе онъ назначается здѣсь же начальни-
мъ штаба при Одоевскомъ-Масловѣ и затѣмъ
Луцкѣ: сначала начальникомъ 11-ой кавалерій-
ой бригады, а вскорѣ—12-ой дивизіи, съ кото-
й и ушелъ на послѣднюю войну, кончившуюся
зоромъ не только для русскихъ, но и тѣхъ, кто
спользовался несчастьемъ и побѣдилъ не на по-
брани, съ оружіемъ въ рукахъ.

Тамъ работа день и ночь. Вездѣ самъ, все
емя впереди, на наблюдательныхъ пунктахъ,
ка не выбылъ изъ строя во время боя подъ
бинымъ, (въ февралѣ 1915 г.), получивъ рану
лѣвое бедро, съ раздробленіемъ кости. Плака-
солдаты, когда на носилкахъ пронесли люби-
го генерала. Черезъ три мѣсяца онъ, съ палкой
слѣ операціи, снова на войнѣ, но уже команду-
цимъ 12-мъ корпусомъ. Вскорѣ Луцкій про-
въ, который запишется въ исторіи войнъ всего міра.

Потомъ онъ получилъ благодарность отъ Корн лова за то, что въ дни позора корпусъ его ост вался крѣпкимъ. Далѣе онъ получаетъ 8-ю армі Революція застаетъ его въ Черновицахъ. Начал разваль кругомъ: и сверху, и снизу. Откровен и прямо говоритъ онъ о гибели арміи Гучков Брусилову, и—предвидя конецъ, уходитъ *) ѣдетъ на Донъ, гдѣ къ большой радости казач ства принимаетъ (18 іюня) атаманство. Чере 200 лѣтъ казачество нашло себѣ атамана по ж ланію своему. Радость неописуемая. Плакали о нея старики.

Но вскорѣ же началась провокація Керенска Съ какимъ благородствомъ и спокойствіемъ, какимъ достоинствомъ и чистотой выходитъ о изъ этой исторіи, оставивъ грязь на провокат рахъ! Но дѣло ими сдѣлано. Событія развивали логично и скоро волны большевизма подкатыв ютъ къ Дону. Создается надежда спасти его ус новленіемъ демократизма, эволюціоннымъ путем спайкой крестьянъ съ казаками и учрежденіем объединеннаго правительства. Но надежда ма по малу затемняется и наконецъ исчезаетъ. Н дежда ушла, уходитъ и Добровольческая Арм и Атаманъ остается одинъ, съ своимъ сподвижн комъ М. Богаевскимъ, да кучкой учащейся мол дежи. Нѣтъ казаковъ кругомъ,—а вѣдь обѣщал и клятву дали защищать, но клятвы не сдержал „Довольно словъ, Россія погибла!“, сказалъ он

*) „Я ушелъ изъ-за Брусилова, который не имѣлъ гражданск мужества, чтобы держать голову передъ комитетами!“ (Изъ рѣчи Ка дина на Кругѣ 5-го сентября).

ъ не любившій словъ, утромъ 29-го января
:8 г., а днемъ, снявъ съ себя сюртукъ, легъ на
овать и выстрѣлилъ въ сердце, безмѣрно лю-
вшее Родину. Перначъ выпалъ изъ похолодѣв-
хъ рукъ атамана. Драма кончилась и ушелъ
ой войны, великій гражданинъ, рыцарь и не-
льникъ чести, покинутый и преданный казаками.
ъ первый выборный Атаманъ ушелъ и оставилъ
тущагося Митрофана Богаевскаго, въ тоскѣ, съ
дечной раной; оставилъ казачьяго Баяна, лю-
зшаго Донъ за его прошлое,—что было въ немъ
внаго и красиваго, казака и интеллигента—
ть отъ плоти, кровь отъ крови русской интел-
енціи, съ ея грѣхами безволія и безгосудар-
енности.

Родился онъ (М. П. Богаевскій) на 20 лѣтъ
днѣе любимаго Атамана, въ хуторѣ Петров-
мъ, гдѣ потомъ открылъ школу. У отца свое-
стараго севастопольца, научился онъ любить
шлое. „Яркія краски прошлаго даютъ возмож-
ть жизни человѣческой придавать какой-то осо-
й блескъ", писалъ онъ своей будущей супругѣ
1906 году. Былъ онъ мальчикъ живой, умнень-
Когда пришла пора учиться, его привезли въ
вочеркасскъ, сначала въ пансіонъ, потомъ въ
назію. Время было тоскливое, учителя скучные;
задержался въ гимназіи, кончивъ ее 23-хъ
ъ; любилъ литературу и исторію, а потому
ъ поставщикомъ сочиненій для товарищей. Да-
—филологическій факультетъ въ Петроградѣ,
нченный, съ перерывомъ, въ 1910 г. Не за соціа-
мъ, не за иныя политическія убѣжденія студенче-

ство имѣло его всегда курсовымъ старостой. Дипломную работу онъ написалъ, конечно, по исторіи Дона. По окончаніи университета онъ оказался преподавателемъ - воспитателемъ въ Петровской гимназіи, въ своемъ городѣ. Живой и тонкій педагогъ, съ любовью просвѣщавшій. Эта же любовь заставила его организовать просвѣтительные курсы, читать лекціи.

Въ 1913 году онъ преподаетъ исторію въ родной гимназіи. Война застаетъ его здѣсь. Рвался на войну, хотѣлъ быть полезнымъ тамъ, гдѣ кровь лилась, но въ 1915 г. Каменская станица избрала его директоромъ своей гимназіи, о постановкѣ дѣда въ которой уже чевезъ годъ пишетъ столичная пресса. Началась революція. Митинги, красные флаги большого гарнизона Каменской, развалъ его и безобразія—заставили его протестовать. Затѣмъ станица посылаетъ его въ Петроградъ, на общеказачій Съѣздъ, гдѣ онъ фактически предсѣдательствуетъ. На Съѣздѣ этомъ вырабатывается политически здоровая казачья программа. По окончаніи Съѣзда станица посылаетъ его въ Новочеркасскъ, для выработки программы Круга; здѣсь онъ предсѣдательствуетъ, какъ и на самомъ Кругѣ, открывшемся 26-го мая. Кругъ былъ дѣдовскій, твердый, крѣпкій, яркій. Взвился, взлетѣлъ Митрофанъ, запѣлъ Баяномъ на Кругу и Кругъ почтилъ своего предсѣдателя помощникомъ Атамана, а перначъ далъ Каледину, съ приказомъ-грамотой: „По праву древней обыкновенности избранія войсковыхъ атамановъ, нарушенному волею

Петра 1-го въ лѣто 1709 и нынѣ возстановленному, избрали мы тебя нашимъ войсковымъ Атаманомъ".

Съ поднятымъ въ рукѣ перначемъ поклялся Калединъ въ вѣрности казачеству, и клятву сдержалъ. Былъ тогда большой подъемъ, но скоро—скоро начался и спускъ.

Наступленіе большевизма на Донъ, напряженное сопротивленіе ему и, наконецъ,—выстрѣлъ Атамана, не разбудившій однако казаковъ отъ большевистскаго похмѣлья и дурмана. Это сдѣлалось потомъ, послѣ того какъ запылали станицы, а передъ этимъ казаки говорили: „Большевики насъ не тронутъ, они противъ буржуевъ и офицеровъ".

Еще до выстрѣла, 9-го, Богаевскій съ тоской пишетъ: „Наша жуткая дѣйствительность нагоняетъ смертельную тоску". 7-го февраля, на маломъ Кругу, говоритъ онъ свою рѣчь о разбитыхъ надеждахъ своихъ, о драмѣ покинутаго казаками правительства, о Калединѣ. Плакали люди. По окончаніи онъ тотчасъ же ушелъ, усталый и разбитый, а черезъ нѣсколько дней началось безнадежное, безпросвѣтное скитаніе по Сальскимъ степямъ, вплоть до послѣдней на свободѣ ночи, безъ пріюта, у забора чужого сада. Была попытка постучаться въ двери, съ послѣдней просьбой о пріютѣ, но двери захлопывались и пріюта не нашелъ у казаковъ помощникъ Атамана. Ужасная ночь, во время которой была лишь одна мечта: лишить себя жизни. Но надо было испить чашу до конца

и чашу эту пила, съ нимъ вмѣстѣ, его жена. Потомъ издѣвательства, угрозы самосуда, тюрьма...

А дальше—онъ въ родномъ городѣ, арестантомъ на гауптвахтѣ, покинутый всѣми. Впрочемъ не совсѣмъ: были и цвѣты въ заключеніи, но не отъ своихъ, а отъ людей пріѣзжихъ и чужихъ Дону.

Голубовъ затѣваетъ что то, и Богаевскаго 22-го марта везутъ на гарнизонное собраніе, гдѣ онъ говоритъ три часа, заставивъ замолчать комиссаровъ, дѣлавшихъ попытки натравить слушателей на самосудъ. Баянъ казачій, среди казаковъ-предателей, пѣлъ свою послѣднюю, предсмертную пѣсню. По обычаю казачьему началъ съ жизни своей и постепенно изложилъ весь ходъ событій въ Россіи и на Дону. Съ любовью вспоминалъ Каледина, во всей его чистотѣ и благородствѣ, говорилъ и о Добровольческой Арміи. „Не выдадимъ!“ —кричали по окончаніи рѣчи казаки, при сумрачномъ молчаніи красногвардейцевъ. Но—пришла карательная экспедиція—и казаки оставили Богаевскаго на гауптвахтѣ, и тѣмъ предали его въ руки убійцъ, съ мальчишкой Антоновымъ во главѣ, которые и отвезли его въ Ростовъ, для совершенія гнуснаго дѣла. Совершилось оно 1-го апрѣля, въ Балабановской рощѣ, подъ Нахичеванью, въ день перваго входа въ Новочеркасскъ. Отнынѣ это—историческая роща и пусть тотъ, кто будетъ проѣзжать мимо—почтительно сниметъ шапку: въ этой рощѣ пролилась кровь Богаевскаго, а раньше многихъ другихъ—любившихъ Родину.

Жена покойнаго нашла трупъ, сохранила его, чтобы привезти въ Новочеркасскъ, что и было сдѣлано по освобожденіи города. Маленькой, незначительной группой близкихъ проводилъ убитаго помощника Атамана, и милаго обаятельнаго Митрофана Петровича Новочеркасскъ.

Вмѣстѣ пришли съ Калединымъ, и вмѣстѣ, рядомъ покоятся сномъ вѣчнымъ; среди дорогихъ Родинѣ могилъ!...

Рѣчь А. М. Каледина на областномъ съѣздѣ иногороднихъ, 30-го декабря 1917 года.

Привѣтствую всѣхъ собравшихся здѣсь членовъ настоящаго съѣзда. Вамъ предстоитъ рѣшить чрезвычайно важную и отвѣтственную, въ особенности въ настоящій моментъ задачу. Вамъ придется исправлять тотъ недостатокъ въ управленіи краемъ, который былъ постоянной заботой войскового правительства съ тѣхъ поръ, какъ оно взяло на себя, въ силу необходимости, всю полноту власти въ краѣ.

Прежде чѣмъ сказать о положеніи области, я напомню въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ дошли мы до того положенія, въ которомъ находимся сейчасъ. Вы помните первые дни революціи. Помните, какія свѣтлыя надежды мы возлагали на открывавшееся передъ нами свѣтлое будущее. Мы надѣялись, что сумѣемъ создать новое государство на новыхъ началахъ. На Дону, какъ и во всей Россіи началась внутренняя организаціонная работа. Образовались двѣ группы населенія, составляющія главную мощь страны: организовалось казачество и пыталась организоваться другая часть населенія. Казачество организовалось раньше, но оно никогда не забывало, что рядомъ съ нимъ стоитъ другая сила. На Кругахъ выражались по-

желанія единенія съ ней. При обсужденіи своихъ дѣлъ казачество удѣляло вниманіе и крестьянскимъ дѣламъ. Вамъ извѣстно, что казачество отказалось въ пользу крестьянства отъ своихъ исконнихъ правъ на 3 милліона лучшей земли. Не вина казачества, что крестьянамъ не удалось создать твердаго управленія.

Въ связи съ развертывающимися въ Россіи событіями происходили перемѣны и въ Донской области. Пока лишь мы разрушали старое, но не сумѣли удержаться въ надлежащихъ рамкахъ. Мы, вводя въ государственный организмъ оздоровляющія начала, не сумѣли сохранить въ немъ того, безъ чего никакой государственный организмъ существовать не можетъ. Государство сразу сорганизоваться не можетъ, особенно послѣ 3-хъ лѣтъ тяжелой войны. Мы же выбросили пружины, которыми мы могли бы воспользоваться для проведенія новыхъ началъ. Это была большая ошибка.

Путь, избранный нами, былъ непрактичный путь. Былъ у насъ рядъ увлеченій и государственныхъ ошибокъ, послѣдствія которыхъ мы теперь всѣ несемъ. Паденіе наше идетъ—чѣмъ дальше, тѣмъ глубже и шире.

Донская область пока удержалась въ сторонѣ отъ всеобщей анархіи; скажу прямо,—благодаря тому, что казачество успѣло сорганизоваться и выдѣлить свое правительство.

Мы жили пока сравнительно спокойно, но волна разрушенія и большевизма подошла и къ намъ. Вы знаете, что въ августѣ произошли событія, едва не ввергнувшія насъ въ гражданскую войну. Я

говорю о такъ называемомъ „корниловскомъ движеніи“. Благодаря недовѣрчивому отношенію къ намъ, создалась легенда о мятежѣ на Дону, не имѣвшая никакихъ реальныхъ основаній, но едва не породившая здѣсь гражданской войны. Затѣмъ, въ октябрѣ, пало коалиціонное правительство. Вмѣсто него возникло правительство народныхъ комиссаровъ. Казачество съ самаго начала отнеслось рѣзко—отрицательно къ движенію, которое все разрушаетъ, но ничего не создаетъ. Казачество не признало правительства народныхъ комиссаровъ, возглавляемаго Ленинымъ и Троцкимъ. Это была основная позиція, которая опредѣлила все дальнѣйшее поведеніе войскового правительства. Не признавъ власти комиссаровъ, мы принуждены были создать государственную власть здѣсь, къ чему мы никогда раньше не стремились. Мы хотѣли лишь широкой автономіи, но отнюдь не отдѣленія отъ Россіи. Войсковое правительство, какъ наиболѣе сорганизованное, принуждено было взять на себя всю полноту власти. Если хотите, это было до извѣстной степени узурпаціей, какъ это и высказывали, но другой, болѣе крѣпкой власти— не было.

Власть была взята въ предположеніи, что это дѣлается на очень короткій срокъ. Никто не предполагалъ что большевики, которыхъ не поддерживала ни одна серьезная политическая партія, продержутся такъ долго. Дальнѣйшія событія доказали ошибочность такого взгляда. Большевистское движеніе продолжало развиваться. Продолжался, въ силу этого, и срокъ полномочій, взя-

тыхъ на себя войсковымъ правительствомъ. Тогда въ войсковомъ правительствѣ возникъ вопросъ о привлеченіи къ управленію всего населенія. Мысль эта была объявлена и принимались мѣры къ ея осуществленію. Но вопросъ этотъ слишкомъ важенъ и слишкомъ отвѣтственъ; неудивительно, что онъ требуетъ для своего разрѣшенія много времени.

Къ сожалѣнію группа населенія не захотѣла дожидаться осуществленія этого закономѣрными путями, и въ Ростовѣ произошло возстаніе, съ военно-революціоннымъ комитетомъ во главѣ.

Во главѣ управленія предполагалось поставить военно-революціонный комитетъ, составъ котораго совершенно не являлся сколько-нибудь закономѣрнымъ представительствомъ отъ населенія. Войсковое правительство, конечно, не могло съ нимъ примириться. Вслѣдствіе этого возникла война Ростова съ казачествомъ, которая кончилась совсѣмъ недавно.

Теперь положеніе также далеко не спокойно. Идетъ броженіе на почвѣ продовольственнаго вопроса. Сѣверные округа и часть Донецкаго округа уже голодаютъ. Южные же округа имѣютъ хлѣбъ, но не даютъ его.

Приходится принимать мѣры къ его отобранію. Положеніе усложняется еще общимъ разстройствомъ транспорта. Кромѣ того, сообщеніе съ сѣверными округами идетъ черезъ Царицынъ, который постоянно тормозитъ движеніе грузовъ.

Волна большевизма, захлестнувшая всю русскую землю, докатилось и до насъ. Возникаютъ

ложненія на этой почвѣ. Кромѣ того,—мы пе-
живаемъ денежный кризисъ. Этотъ кризисъ пе-
живаетъ вся Россія.

Центральное правительство прекратило совер-
нно посылку намъ денежныхъ знаковъ, но если
этого и не было, мы бы мало выиграли.

Единственная машина, печатающая денежные
аки, сильно понизила свою производительность.
ньги идутъ на удовлетвореніе нуждъ Петрогра-
и сосѣднихъ съ нимъ крупныхъ городовъ.

Мы находимся въ открытой борьбѣ съ вой-
ами комиссаровъ. Правительственныя войска об-
жили область со всѣхъ сторонъ. Въ область
шли большевистскіе отряды со стороны Черт-
во, Луганска и Никитовки. Это продвиженіе от-
довъ внутрь области породило гражданскую
йну. Вотъ въ общихъ чертахъ положеніе въ об-
сти. Положеніе очень тяжелое, но—по сравненію
другими частями Россіи—мы еще сравнительно
астливы. Тамъ царитъ полнѣйшая анархія.

Я думаю, если мы сознаемъ трудность поло-
нія родного края и будемъ стремиться къ со-
аненію порядка,—мы сумѣемъ трезво держать
асть въ рукахъ и избѣжимъ еще волны боль-
евизма.

Войсковое правительство сознаетъ свою одно-
кость, и оно хочетъ исправить этотъ недоста-
къ. Вслѣдствіе спѣшности, съ которой созывал-
этотъ съѣздъ, онъ можетъ выдѣлить пока
шь временный органъ управленія.

Постоянный будетъ созданъ краевымъ учре-
тельнымъ собраніемъ.

Какое-нибудь правительство все таки лучш отсутствія правительства. У насъ впереди учред тельное собраніе. Надо его терпѣливо дождатьс Пусть будетъ создаваемая вами власть лишь вр менной и несовершенной заплатой. Намъ необх димо придти къ соглашенію. Я отъ всей душ желаю успѣха въ вашей работѣ".

ъ Февральской декларацiи Добровольческой Армiи.

Основныя задачи организацiи Добровольческой Армiи":

. . . „Люди, отдающiе себѣ отчетъ въ омъ, что значитъ ожидать благодѣянiй ъ нѣмцевъ, правильно учитываютъ, что инственное наше спасенiе — держаться ашихъ союзниковъ"...

Послѣднее воззваніе Атамана А. М. Каледина къ казакамъ, отъ 28-го января 1918 года.

ГРАЖДАНЕ КАЗАКИ!

Среди постигшей Донъ разрухи, грозящей гибелью казачеству Я, **Вашъ Войсковой Атаманъ**, обращаюсь къ Вамъ съ призывомъ, быть можетъ, съ послѣднимъ.

Вамъ должно быть извѣстно, что на Донъ идутъ войска изъ красногвардейцевъ, наемныхъ солдатъ, латышей и плѣнныхъ нѣмцевъ, направляемыя правительствомъ Ленина и Троцкаго. Войска ихъ подвигаются къ Таганрогу, гдѣ подняли мятежъ рабочіе, руководимые большевиками. Такія-же части противника угрожаютъ станицѣ Каменской и станціямъ Звѣрево и Лихой. Желѣзная дорога отъ Глубокой до Чертково въ рукахъ большевиковъ.

Наши казачьи полки, расположенные въ Донецкомъ округѣ, подняли мятежъ и въ союзѣ съ вторгнувшимися въ Донецкій округъ бандами красной гвардіи и солдатами сдѣлали нападеніе на отрядъ полк. Чернецова, направленный противъ красногвардейцевъ и частью его уничтожили, послѣ чего большинство полковъ—участниковъ этого гнуснаго и подлаго дѣла—разсѣялись по хуто-

амъ, бросивъ свою артиллерію и разграбивъ полевыя денежныя суммы, лошадей и имущество.

Въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ вернувшіеся ъ фронта полки, въ союзѣ съ бандой красноардейцевъ изъ Царицына, произвели полный азгромъ на линіи желѣзной дороги Царицынъ—ебряково, прекративъ всякую возможность снабенія хлѣбомъ и продовольствіемъ Хоперскаго и сть-Медвѣдицкаго округовъ.

Въ слободѣ Михайловкѣ, при станціи Себряково, провели избіеніе офицеровъ и администраціи, причемъ побло, по слухамъ, до 80 однихъ офицеровъ. Развалъ троевыхъ частей достигъ послѣдняго предѣла и, апримѣръ, въ нѣкоторыхъ полкахъ Донецкаго круга удостовѣрены **факты продажи казаками своихъ фицеровъ большевикамъ за денежное вознагражденіе. ольшинство изъ остатковъ уцѣлѣвшихъ полевыхъ чатей отказываются выполнять боевые приказы по защиѣ Донского края.**

Въ такихъ обстоятельствахъ, до завершенія ачатаго переформированія полковъ, съ уменьшеіемъ ихъ числа и оставленіемъ на службѣ тольо четырехъ младшихъ возрастовъ, Войсковое равительство, въ силу необходимости, выполняя вой долгъ передъ Роднымъ Краемъ, принуждено ыло прибѣгнуть **къ формированію добровольческихъ азачьихъ частей** и, кромѣ того, принять предложеіе и другихъ частей населенія нашей Области, лавнымъ образомъ учащейся молодежи, для обазованія партизанскихъ отрядовъ.

Усиліями этихъ послѣднихъ частей и, главнымъ разомъ, доблестной молодежи, беззавѣтно отдающей св жизнь борьбѣ съ анархіей и бандами большевиковъ- поддерживается въ настоящее время защита Дона, а та же порядокъ въ городахъ и на желѣзныхъ дорогахъ сти Области. Ростовъ прикрывается частями особ добровольческой организаціи.

Поставленная себѣ Войсковымъ Правител ствомъ задача довести управленіе Областью созыва и работы ближайшаго (4 февраля) Войск вого Круга и Съѣзда неказачьяго населенія—в полняется указанными силами, но ихъ незнач чельное число и положеніе станетъ чрезвычай опаснымъ, если казаки не прійдутъ немедленно в составъ добровольческихъ частей, **формируемы Войсковымъ Правительствомъ.**

Время не ждетъ, опасность близка, и есл вамъ, казакамъ, дорога самостоятельность ваше управленія и устройства, если вы не желаете в дѣть Новочеркасска въ рукахъ пришлыхъ банд большевиковъ и ихъ казачьихъ приспѣшниковъ- измѣнниковъ долгу передъ Дономъ, то спѣши на поддержку Войсковому Правительству, пос лайте казаковъ-добровольцевъ въ отряды.

Въ этомъ призывѣ у меня нѣтъ личныхъ ц лей, ибо для меня Атаманство тяжкій долгъ остаюсь на посту по глубокому убѣжденію въ н обходимости сдать постъ, при настоящихъ обст ятельствахъ, только передъ Кругомъ.

Войсковой Атаманъ КАЛЕДИНЪ.

ослѣдняя рѣчь бывшаго товарища Войскового Атамана ойска Донского, М. П. БОГАЕВСКАГО, въ засѣданіи Малаго Войскового Круга, 7 февраля 1918 года.

—„Одиннадцать мѣсяцевъ тому назадъ я мѣлъ счастье, или можетъ быть несчастье повѣ-ить,—что казачество еще не умерло, что оно еще е сослужило до конца свою историческую служ-у. Теперь за эту вѣру, быть можетъ, мнѣ и при-ется поплатиться. Слишкомъ часто мое имя потреблялось рядомъ съ именемъ Алексѣя Мак-имовича. Да и было къ тому основаніе.

Съ нѣкоторыми изъ васъ я началъ работу въ етроградѣ, на Всероссійскомъ казачьемъ Съѣз-дѣ, въ апрѣлѣ прошлаго года; затѣмъ она про-олжалась здѣсь, на первомъ казачьемъ Съѣздѣ, а Войсковыхъ Кругахъ, и закончилась десять ней тому назадъ.

На мою долю выпало счастье работать съ од-имъ изъ великихъ русскихъ людей нашего вре-ени. Да, великихъ. Когда Алексѣя Максимовича ыбирали атаманомъ, многіе боялись этого избра-ія. Говорили: „это боевой генералъ; какъ бы онъ асъ не вернулъ къ старому строю!“ О немъ го-орили еще на Съѣздѣ. А на Кругѣ это имя бы-о уже у всѣхъ на устахъ. Его имя упоминалось

какъ чистое имя... Закончились выборы 18 іюн Алексѣй Максимовичъ и я оказались у власт Взялись мы за дѣло. Нельзя сказать, чтобы э былъ легкій путь. Съ самаго начала появили препятствія, которыя тормозили нормальную р боту.

Появились большевики. Появились новые л ди, взявшіеся управлять государственнымъ кора лемъ. Никто не зналъ этихъ людей. Первое зн комство съ ними состоялось на Московскомъ С вѣщаніи. Поѣхалъ туда атаманъ, послушалъ, ве нулся и сказалъ:

—„Сволочь!"

Такъ и сказалъ.

Было затѣмъ демократическое совѣщаніе. П сылало Войсковое Правительство и туда предст вителей. Но государственныхъ людей и тамъ видѣли.

Въ августѣ мы сдѣлали ошибку: заключи блокъ съ ка-детами. Да, это была ошибка—блок былъ намъ во вредъ. Потомъ мы эту ошибку и правили, блокъ былъ расторгнутъ.

Пришелъ конецъ августа. Возникло „Корн ловское дѣло", а съ нимъ и „Калединское". Каз камъ не вѣрили. Не вѣрятъ имъ и теперь, не вѣ рили никогда. Со временъ Бориса Годунова. Вспом ните расправу Алексѣя Михайловича и Петра Ве ликаго. Сильно расправился съ казаками Петръ Много казачьихъ станицъ было уничтожено, мно го казачьихъ головъ снято. Прошло десять лѣтъ— и удалой атаманъ Кондратій Булавинъ пустилъ се бѣ пулю въ лобъ, въ Старочеркасской станицѣ

какъ это сдѣлалъ на дняхъ и нашъ послѣдній выбранный атаманъ, Алексѣй Максимовичъ.

Наступилъ царскій періодъ. Прошли сотни лѣтъ. Дождались свободныхъ дней казаки: выбрали атамана—своего, казачьяго атамана.

— Алексѣя Максимовича Каледина!

По всей Россіи, да не только по Россіи—по всему свѣту пошло имя Каледина.

Первый народный избранникъ. Первый казачій атаманъ. Не только боевой генералъ, но и честный человѣкъ, знающій дѣло, видный администраторъ; герой войны, раненый, заслуженый.

Всѣ его знали. Всѣ къ нему шли.

А когда нужно было—о немъ и забыли.

И ушелъ онъ отъ насъ. Съ проклятьемъ ушелъ...

Какая то дьявольская затѣя вселилась въ русскихъ людей. Словно всѣ сразу ополоумѣли. Ополоумѣли и казаки. И къ намъ закралось въ душу то дьявольское навожденіе, что сгубило великую, мощную Россію.

Проклятое навожденіе пошло не отъ старыхъ казаковъ, не съ Дону. Оно пошло изъ Московіи, отъ фронтовиковъ, отъ нашей молодежи.

Въ чемъ же оно заключалось?

Про атамана Каледина говорили, что онъ контръ-революціонеръ. Да и многое такое о немъ говорили.

Никто доподлинно не могъ сказать, въ чемъ выразилась эта контръ-революціонность. Но говорили. Говорили и вѣрили.

Все это была ложь. Никакихъ контръ-революціонныхъ замысловъ у него не было. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ, что дѣлалъ, онъ былъ чистъ. И едва-ли кто изъ молодыхъ можетъ похвастаться, что онъ такъ-же чистъ, какъ былъ чистъ атаманъ Калединъ. Вѣдь на Кругѣ его единогласно переизбрали! Весь Кругъ, за исключеніемъ какихъ-нибудь 30 человѣкъ, оказалъ ему свое довѣріе. А на Кругѣ, знаете, участвовали и фронтовики. На послѣднемъ Кругѣ, когда переизбирали атамана, ихъ было не меньше полутораста. Значитъ свыше ста фронтовиковъ голосовали за Атамана Каледина.

При выборахъ Каледина фронтовики говорили, какъ они смотрятъ на большевиковъ: „Мы еще не знаемъ, что изъ этого выйдетъ, не знаемъ, гдѣ они сядутъ! Не знаемъ“... Но многіе увидятъ и... вспомнятъ.

Въ Россію мы не шли, и завоевывать ее не собирались.

Въ октябрѣ начались московскія событія. Стало выясняться, чего хотятъ большевики.

— „У васъ, говорили они, атаманъ контръ-революціонеръ, контръ-революціонная добровольческая армія, разные тамъ ка-деты, юнкера и проч. Они собираются накинуть на Россію прежній галстукъ самодержавія“.

Да, правильно. Интеллигенціи приготовленъ галстукъ большевиками. Всѣмъ интеллигентамъ. Всѣмъ—кто не „трудовой“,

Интеллигенцію разстрѣливаютъ, а кое-кого и пытаютъ. Звѣрь-человѣкъ развернулся во всю. И теперь еще больше, чѣмъ когда либо. Интеллигенція оказалась виновата.

Это та самая интеллигенція, что еще при Александрѣ 1-мъ добывала русскому народу свободу. Вы, конечно, помните декабристовъ: Рылѣевъ, Пестель и др. Да и послѣ того интеллигенція не мало сложила головъ за свободу Россіи.

Но народъ остался рабомъ.

Алексѣй Максимовичъ усмирялъ Ростовскій бунтъ. Кого усмирялъ? Это былъ сбродъ. Ихъ усмирили дѣти, да нѣсколько казачьихъ частей. Ростовъ былъ усмиренъ почти безкровно. Крови могло бы и совсѣмъ не пролиться, если бы у насъ были хотя бы два полка. вѣрныхъ своему долгу.

Послѣ усмиренія Ростова сказка стала еще страшнѣе.

Окончивъ дѣло съ Ростовомъ, Алексѣй Максимовичъ сказалъ:

— „Большевикамъ не вѣрить!“

Тяжелую драму переживалъ въ то время Алексѣй Максимовичъ. Переживали ее и мы. На Кругѣ всѣ сложили свои полномочія. Насъ вновь избрали.

Но дѣло было не въ переизбраніи. Алексѣй Максимовичъ хотѣлъ категорически отказаться отъ атаманства. Но онъ вѣрилъ, что еще поймутъ казаки, куда ихъ ведутъ большевики. Вѣрилъ, что они поймутъ своего атамана.

Но онъ ошибся. Все было сказано. И глубокая тоска заглянула въ душу Алексѣя Максимовича. Силы не стало. Надѣяться было не на кого. Нуженъ былъ одинъ полкъ, его не было.

— „Что же, будемъ прятаться?!“—говорилъ Алексѣй Максимовичъ. Когда казаки стали отказываться отъ исполненія приказовъ, стало ясно что надѣяться не на кого. Алексѣй Максимовичъ сталъ было формировать новую армію, но было уже поздно. Казаки стали расходиться, а оружіе продавать.

— „Казачья пѣсенка спѣта“—такъ казалось намъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ думали:

— „А можетъ быть въ станицахъ остались защитники Дона?

Да и не одни мы такъ думали.

Такъ думали и въ Воронежѣ. Думали, что казачья пѣсенка спѣта, но остерегались. Надежды возлагали на другія средства. Печатный станокъ еще работаетъ, бумаги для денежныхъ знаковъ тоже еще много, и пропагандой заниматься еще можно. Можно и подкупомъ дѣйствовать. Газетами и листками засыпаютъ Донъ, словами разными улещаютъ, о трудовомъ казачествѣ заговорили. А казакъ и растаялъ.

Много клиньевъ забивали между Войсковымъ Правительствомъ и казаками. Забивали ихъ и нѣкоторые члены Войскового Круга. Сказываются и тѣ клинушки, которые забивалъ Николай Павловичъ (Лапинъ). Онъ тоже шелъ и говорилъ за „трудовое“ казачество, и добра казачеству хотѣлъ. Поздно

лишь понялъ онъ, что не по той дорогѣ шелъ. Передъ смертью самъ хватался за голову, да было уже поздно. Не туда пошелъ. А ему вѣрили, за нимъ шли. Отъ рукъ „трудового казачества“ и погибъ. Я глубоко уважалъ Николая Павловича, несмотря на то, что мы были съ нимъ политическими противниками. Онъ погибъ. Погибъ интеллигентный человѣкъ. А много ли у насъ ихъ!?

Дойдетъ дѣло и до „нетрудовыхъ“.

Въ округахъ, можетъ быть, можно что сдѣлать?...

Едва-ли. И 2-й Донской, и Усть-Медвѣдицкій и Хоперскій округа въ рукахъ большевиковъ. Кто работалъ, кто велъ ихъ сюда? Красная гвардія?

Нѣтъ—казаки, фронтовые казаки...

Кто видѣлъ Алексѣя Максимовича въ послѣдніе дни, тотъ пойметъ, почему онъ былъ сумраченъ. Онъ видѣлъ, что борьба съ большевизмомъ безцѣльна.

Сумраченъ онъ былъ и потому, что ни откуда поддержки не видѣлъ. Вокругъ имени нашего покойнаго атамана распускались самые нелѣпые, самые фантастическіе слухи.

Враги казачества говорили, что у Алексѣя Максимовича 30 тысячъ десятинъ земли. Говорили, что и у меня имѣется, ни много ни мало, какъ 6 тысячъ...

Мнѣ приходилось видѣть покойнаго атамана часто. Въ послѣднее время мы жили въ одномъ домѣ. Видѣлись ежедневно, иногда даже по нѣсколько разъ въ день: то я къ нему поднимусь

на верхъ, то онъ сойдетъ ко мнѣ внизъ. Въ немногія свободныя минуты мы толковали съ нимъ о томъ, что дѣлать. Въ декабрѣ ему казалось, что выходъ найденъ. Онъ повеселѣлъ и всецѣло отдался своей идеѣ. Онъ говорилъ такъ: давайте устроимъ жизнь общую съ иногороднимъ населеніемъ. Большевики въ большемъ числѣ среди нихъ, среди иногороднихъ. Я считаю, что управлять краемъ, опираясь на одну группу населенія, нельзя.

Такъ говорилъ Алексѣй Максимовичъ. Говорилъ и вѣрилъ. На Кругѣ онъ отстаивалъ эту мысль и было создано „Объединенное Правительство". Результаты дѣятельности этого правительства налицо, и я о нихъ говорить не буду.

Мнѣ тяжело говорить объ Алексѣѣ Максимовичѣ. Я сжился съ нимъ, полюбилъ его. Мнѣ кажется, что я нашелъ въ немъ своего отца. Въ 1905 году умеръ мой отецъ-севастополецъ. И вотъ, мнѣ кажется,—я снова его встрѣтилъ. Что то общее въ нихъ обоихъ.

На неказачьемъ съѣздѣ Алексѣя Максимовича встрѣтили молча. Ему не хлопали въ ладоши. Но вѣрили. Въ концѣ концовъ съѣздъ съ нимъ помирился. Холодокъ растаялъ. Дѣла, какъ будто, настраивались.

Въ созданномъ объединенномъ правительствѣ провели одинъ законъ—земельный. По существу законъ былъ большевистскій. Но мы съ нимъ примирились. Теперь со многимъ приходится мириться.

Вы посмотрите только, что дѣлается вокругъ. Все гибнетъ. Гибнутъ старыя хозяйства, гибнутъ

показательныя поля. Теперь уже не возстановить погибшаго племенного скота, не возстановить расхищенныхъ сокровищъ народнаго богатства.

Въ народѣ живетъ, въ настоящее время, одна сила. Это—сила разрушенія. Силы созиданія нѣтъ.

Вспомнитъ народъ, да будетъ поздно.

Мы хотѣли кой-что сдѣлать, но сдѣлать почти ничего не удалось. Первое время казаки вѣрили своимъ атаманамъ. Но скоро настали другія времена—они подпали подъ власть хулигановъ. Ничего святого не стало. Всюду стали видѣть дурное. Когда старались возстановить порядокъ, то на это смотрѣли какъ на возстановленіе стараго режима.

„Паритетъ" приносилъ мало пользы...

Насъ упрекаютъ въ созданіи Добровольческой Арміи. На Кругѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, мы ставили вопросъ о ней, и Кругъ, какъ и январьскій крестьянскій съѣздъ, высказался за существованіе Добровольческой Арміи. Это было не наше рѣшеніе. Намъ сказали: „пусть Армія существуетъ; но если она пойдетъ противъ народа,—она должна быть расформирована". Этого мы и придерживались.

Теперь положеніе таково: казаки защищать свою Донскую область отказались, отказались безнадежно. Когда мы это увидѣли, то полагали единственное спасеніе въ созывѣ Войскового Круга и неказачьяго съѣзда. Мы спѣшили созвать и Кругъ и съѣздъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы сдѣлали распоряженіе о переизбраніи членовъ Войскового Круга. Не разъ посылались намъ упреки за это распоряженіе. Говорили: „какъ это Войсковое Правитель-

ство рискнуло переизбрать Кругъ? Оно не имѣло на это права!" Имѣло или нѣтъ—судите сами. Но я вамъ долженъ сказать вотъ что: еще на первомъ Съѣздѣ я говорилъ, что на Кругѣ должны быть и фронтовые казаки; фронтовики были приглашены и имъ дали мѣста по одному на 500; это было актомъ справедливости; вѣдь на фронтѣ были наши дѣти, наши лучшія силы.

На первомъ же Кругѣ фронтовики стали говорить, что Кругъ буржуазенъ, что онъ состоитъ изъ чиновниковъ, избранъ неправильно и такъ далѣе. То же говорили они и на слѣдующихъ Кругахъ. Иногородніе тоже были противъ Войскового Круга перваго созыва. Они говорили, что Кругъ старый совсѣмъ не хотѣлъ „паритета". Войсковое Правительство нашло возможнымъ назначить перевыборы. Войсковой Атаманъ былъ противъ этого. Первое постановленіе Правительства о перевыборахъ имъ было опротестовано, и лишь послѣ того какъ было вынесено новое постановленіе—оно было приведено въ исполненіе, такъ какъ, согласно послѣднему постановленію Круга, оно становилось закономъ.

И такъ,—мы собирали на Кругъ новыхъ людей. Торопились, Но было уже поздно. Казаки уходили съ Таганрогскаго фронта. На „Рудаково" случилось тоже. На „Миллеровѣ" 35-й полкъ сдѣлалъ все для того, чтобы разрушить нашу защиту. В Царицынѣ, въ Чирской и на Хопрѣ не все обстояло благополучно.

Каменскій военно-революціонный комитетъ сидѣлъ за этимъ столомъ. Онъ многаго требовалъ

Мы сказали Подтелкову и его компаніи: „проводите выборы, агитируйте, проводите на Кругъ тѣхъ людей, которые отвѣчаютъ настоящему времени. 4-го февраля мы уйдемъ. Пусть послѣ насъ новые люди правятъ Домомъ. Власти мы не добивались и за нею не стоимъ. Скажите только: вы за большевиковъ, или же будете защищать казачество?!“

Они отвѣтили намъ:

—„Мы казаки, и будемъ стоять за казачество“.

А въ это время Чернецову уже пришлось биться съ красногвардейцами. Чернецовъ съ казаками не дрался. Такой наказъ ему былъ данъ покойнымъ атаманомъ—съ казаками въ бой не вступать, и Чернецовъ съ казаками не бился. Не бился до тѣхъ поръ, пока Каинъ нашего времени—Николай Голубовъ—не предалъ казачество.

Съ болью въ душѣ долженъ сказать, что у меня на душѣ нѣтъ болѣе тяжелаго грѣха, какъ выпускъ на свободу Голубова. Алексѣй Максимовичъ былъ противъ этого. Но я повѣрилъ искренности Голубова. Сидя на гауптвахтѣ, онъ вызвалъ меня и полтора часа увѣрялъ меня въ своей преданности Дону и клялся, что не пойдетъ противъ казачества.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ положеніе на Дону становилось затруднительнѣе. Во второй половинѣ января дѣла наши стали ни къ чему. Алексѣй Максимовичъ повѣсилъ голову. Онъ говорилъ:

— „Круга мы не дождемся; надо кончать дѣло!“

29 января Алексѣй Максимовичъ зоветъ меня къ себѣ. Какъ день былъ сумраченъ, такъ сумра-

ченъ былъ и Алексѣй Максимовичъ. Подаетъ мнѣ двѣ телеграммы: одну отъ Корнилова, другую отъ Алексѣева. Я прочитаю Вамъ эти телеграммы.

. . . . . .

Какъ видите, выяснилось, что казаки не поддержали. Бросили войсковой, многомилліонной стоимости Провальскій конскій заводъ, бросили рудники. Въ Провальи не только заводъ представлялъ цѣнность, но тамъ богатѣйшіе рудники.

Все это было брошено большевикамъ. Когда пришли ко мнѣ казаки одного изъ полковъ и просили дать имъ лошадей, я сказалъ имъ:

— „А вотъ у насъ лошади остались въ Провальскомъ заводѣ, послѣ захвата его большевиками. Не будетъ ли вамъ угодно поѣхать въ Провалье, выгнать оттуда большевиковъ, взять заводъ, охранять его и пользоваться лошадьми?!“

Они на это мнѣ отвѣтили вотъ что:

— „Нѣтъ, если бы отбить лошадей—мы поѣхали бы, а заводъ—на что онъ намъ!“

А въ это время генералы Алексѣевъ и Корниловъ категорически требовали помощи у Дона. И помощи этой мы не могли дать.

Прочитавъ телеграммы атаманъ сказалъ:

— „Созывайте объединенное правительство. Давайте думать, что дѣлать!“

Послали за членами правительства, а тѣмъ временемъ стали сами думать...

. . . . 147 штыковъ всего осталось у насъ на фронтѣ...

— Дѣтей, юнкеровъ, да офицеровъ.

Дѣти не боялись класть свои головы за родной Донъ.

Бодро и смѣло шли юноши и, умирая, отстаивали Донъ, отстаивали его свободу. Они не щадили своей жизни. Они знали, что отдаютъ ее за счастье Дона.

Мнѣ не только тяжело и больно—мнѣ стыдно теперь говорить о нихъ. Много гимназистовъ сложило свои головы за Донъ. Среди нихъ было не мало и моихъ учениковъ. Въ Платовской гимназіи я читалъ исторію. Много говорилъ имъ и по исторіи Дона. И они вѣрили, такъ же какъ вѣрилъ я, въ возрожденіе былой мощи Дона. Поняли и вѣрили.

Поняли ли это Донскіе казаки?

Я думаю поймутъ, да будетъ уже поздно.

Намъ говорили:

— „Вы приказывайте. Мы все исполнимъ".

Приказывали. Не только приказывали, а и кланялись. Да не помогало.

Я разскажу вамъ про одну батарею, стоявшую въ Новочеркасскѣ. Атаманъ просилъ батарейцевъ:

— „Идите, помогите".

Заломались:

— „Не пойдемъ".

Обидѣлись; видите ли: Чернецовъ пушку у нихъ взялъ.

— „Что же мы, не казаки! Это позоръ для насъ. Никто не можетъ и не долженъ отбирать у насъ оружія. Развѣ мы не воины! Мы на фронтѣ три съ половиною года..."

А это не позоръ для воина—не исполнять приказовъ? А они атаманскаго приказа не исполнили!

Я никогда не забуду этого хамства. Именно хамства. Иначе назвать нельзя...

Атаманъ все таки упросилъ. Обѣщали пойти. И пошли. Да не далеко ушла эта славная батарея. Только до вокзала и дошла. Съ вокзала вернулась.

Я какъ будто предчувствовалъ то, что случилось.

На январьскомъ съѣздѣ учителей я говорилъ, что можетъ быть Булавинская исторія снова вспыхнетъ у насъ на Дону, и она повторилась.

29-го января Алексѣй Максимовичъ прочиталъ телеграммы, сказалъ—сколько у насъ силъ и предложилъ правительству уйти.

— „Борьба безцѣльна. Пусть новые люди возьмутъ власть въ свои руки".

Говоря это, онъ видимо торопился.

— „Господа, короче говорите. Время не ждетъ. Вѣдь отъ болтовни Россія погибла!"

Атаманъ сложилъ свои полномочія. Я сдѣлалъ то же. Такъ же поступили и члены правительства. Правительство перестало существовать.

Вы спросите: какія же причины заставили насъ уйти? Вотъ какія:

У насъ не было никакой реальной силы. Намъ не на кого было опереться. До Круга было далеко, а опасность надвигалась со всѣхъ сторонъ. Мы не могли согласиться на избіеніе народа. А нѣтъ сомнѣнія, что большевики, занявъ Новочеркасскъ, подвергнутъ жителей насиліямъ.

Имя Каледина и Богаевскаго ненавистно въ станѣ большевиковъ. Намъ надо было уйти. Мы думали—казаки поймутъ это. Потомъ и Добровольческая Армія видѣла, что биться за Донъ незачѣмъ.

Мы хотѣли, мы пытались передать власть изъ полы въ полу. Думали:—кому передать? И рѣшили передать мѣстнымъ общественнымъ организаціямъ: городской управѣ, военному комитету и станичному правленію,

Мы полагали такъ: городская дума—избранница города—отражаетъ его мнѣніе; военный комитетъ—представитель воинскихъ частей и пользуется ихъ довѣріемъ; стачичное правленіе (Новочеркасское)—является выразителемъ мнѣнія казачества. Рѣшили имъ и передать власть. Пусть они сами войдутъ въ переговоры съ большевиками, предотвратятъ кровопролитіе.

Позвали представителей общественныхъ организацій, обсудили съ ними вопросъ; согласились.

Въ 4 часа было назначено засѣданіе въ городской думѣ. Члены объединеннаго правительства стали расходиться, Алексѣй Максимовичъ оставилъ только членовъ Войскового Правительства. Онъ передалъ одному изъ его членовъ благотворительныя суммы,—тѣ суммы, о которыхъ никто не зналъ, которыя передавались ему лично на дѣла благотворенія, для расходованія по его личному усмотрѣнію. Теперь эти суммы переданы новому войсковому атаману.

Передалъ и сказалъ:

— „Ну, слава Богу! отъ этого очистился!“

Никакихъ войсковыхъ суммъ у Алексѣя Максимовича не было.

Мнѣ казалось, я предчувствовалъ,—что готовится что то неладное. Да и не я одинъ такъ думалъ. Такъ думали и члены правительства.

И мы задумали дѣло спасенія Алексѣя Максимовича. И подготовляли. Да опоздали. Видно замѣтилъ атаманъ наши намѣренія.

— „Не будемъ тратить зря время. Въ 4 часа засѣданіе въ управѣ. До свиданья, господа!“—распрощался съ нами Алексѣй Максимовичъ.

Мы разошлись.

Алексѣй Максимовичъ походилъ по комнатамъ, заглянулъ къ женѣ; она была занята. Потомъ быстро прошелъ въ маленькую комнатку, что около кабинета (въ ней жилъ братъ Алексѣя Максимовича) легъ на кровать, снялъ тужурку и георгіевскій крестъ, и изъ большого револьвера выстрѣлилъ себѣ въ сердце.

Смерть, очевидно, была легкая. Успѣлъ и руки сложить. Такъ и лежалъ со скрещенными руками и вытянувшись, какъ во фронтѣ стоялъ.

Войсковое Правительство въ этотъ день покончило свое существованіе. Городская дума, военный комитетъ и станичное правленіе не собрались.

Выстрѣлъ надѣлалъ много. Далеко раздался по Дону. Онъ совершенно измѣнилъ тотъ планъ,

который Алексѣй Максимовичъ одобрилъ. Актъ о сложеніи полномочій не былъ подписанъ случайно. Но отъ этого мы не отказываемся.

Теперь, господа, я выполнилъ то, что отъ меня требовали. Я сказалъ, кажется, все—что мнѣ нужно было сказать.

Считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о себѣ.

Одновременно съ Алексѣемъ Максимовичемъ вступилъ я на службу Дону. Тяжело мнѣ говорить о немъ. Я не плакалъ. Не плачу и теперь, хотя любилъ Алексѣя Максимовича, какъ отца родного. Да, должно быть, не скоро и заплачу. Плакать легче. Но мнѣ теперь такъ тяжело, что плакать я не могу—слезъ нѣтъ.

Рѣчь идетъ не о томъ положеніи, какое я занималъ будучи товарищемъ войскового атамана, не о томъ,—что я жилъ въ атаманскомъ домѣ и получалъ полное содержаніе. Нѣтъ,—его было едва достаточно. Достаточно сказать, что когда Алексѣй Максимовичъ получалъ содержаніе, назначенное ему Кругомъ, то этого содержанія ему не хватало. Не хватало такъ, что ему приходилось отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ. И пришлось возстановить прежнее атаманское жалованье. Въ Каменской гимназіи учителемъ я былъ счастливѣе; учительскаго содержанія мнѣ хватало.

Я сбрилъ усы и остригъ волосы не даромъ. Новочеркасскъ будетъ занятъ. Несомнѣнно—будетъ

расправа. Тогда нужно будетъ или уходить, или оставаться и ждать расправы.

За десять мѣсяцевъ работы казаки могли меня видѣть, а потому говорить о моей работѣ я не стану.

Можетъ быть мои силы еще пригодятся. Не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ. Оставаться у власти съ ненавистнымъ именемъ нельзя.

Для меня наступаетъ время человѣка отверженнаго, я бы сказалъ—конченнаго. Я уже имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться. Послѣ моего ухода изъ правительства я былъ въ нѣкоторыхъ знакомыхъ домахъ,—въ такихъ, въ которыхъ всегда съ удовольствіемъ меня принимали. Раньше въ этихъ домахъ гордились моимъ знакомствомъ, а теперь рады, когда я отъ нихъ ухожу.

Алексѣй Максимовичъ лучшую часть избралъ. Я этого сдѣлать не могу, да еще и жить хочется.

Я предсталъ передъ вами и свой послѣдній отчетъ вамъ далъ. Судить меня вы можете. Но отвѣтъ я дамъ передъ моею совѣстью. За Голубова отвѣтъ дамъ передъ Богомъ.

А теперь я заявляю, что мой уходъ является совершенно естественнымъ. Предпримите ли вы что—я не знаю. Я уйду. Уйду для того, чтобы своимъ именемъ кое-кого во грѣхъ не вводить.

Доведется когда-нибудь еще послужить—послужу, не доведется—не поминайте лихомъ.

Я ухожу изъ Войска. И считаю послѣднимъ долгомъ сказать свое послѣднее слово. Я имѣю на него право за 10 мѣсяцевъ работы.

На Кругахъ меня нерѣдко бранили. Но и слушались. Теперь я скажу вотъ что:

По поводу переживаемыйхъ событій мое убѣжденіе таково: не все еще потеряно; не погибло еще казачества. Даже больше того: будущее казачество еще впереди.

Зловѣщая туча была на небѣ, когда умеръ Алексѣй Максимовичъ. Да. Плакало небо тяжелыми каплями дождя. Плачутъ по Алексѣѣ Максимовичѣ истинные сыны Дона.

Я не вѣрю тому, что большевики пришли спасать Донъ. Не вѣрю потому, что достаточно критически отношусь къ событіямъ. У меня для этого и образованіе, и знаніе исторіи, и какой ни-на-есть опытъ.

Совершенно вѣрно: кому-нибудь нужно подчиняться. Но кому? Большевикамъ ли?

Красивыя слова на знамени большевиковъ:

— „Свобода, равенство и братство".

Не свершится и не сбудется этого. Не большевики проведутъ въ жизнь эти святые лозунги.

Донъ, быть можетъ, падетъ, господа. Тянулъ онъ царскую лямку, потянетъ и болошевистскую. Можетъ быть казакамъ сначала и хорошо будетъ. Подачки сдѣлаютъ, обѣщаній надаютъ.

Но... тысячу лѣтъ строилась Россія, и не большевикамъ перестраивать ее.

Казакамъ не вѣрятъ. Ихъ не понимаютъ. Не понимаютъ и казаки, что творится вокругъ ихъ. Но рано или поздно поймутъ, опомнятся. Поймутъ казаковъ и ихъ враги.

Керенскій уже покаялся. Покаятся и Ленинъ ъ Троцкимъ.

Что дѣлать теперь? Я думаю—совѣтовъ не ıогу давать. Но я полагаю, что казакамъ надо до онца сохранить самообладаніе.

Спасайте Донъ! Спасайте нашъ славный, Ти-ій Донъ!

Созывая Войсковой Кругъ, мы мечтали на асъ возложить это бремя!

Не дай Богъ, если Кругъ разбѣжится. Этого дного я боюсь. Я считаю, что пока есть Кругъ— :ть и Войско Донское. А когда Кругъ разгонятъ, ли вы сами разбѣжитесь, — конецъ и Войску онскому.

Насъ вы, быть можетъ, осудите. Передъ вами готовъ былъ былъ бы пойти на какой угодно дъ. Если угодно—я и теперь стою.

Еще не все потеряно. Надо ковать желѣзо, ка оно горячо.

Выстрѣлъ Алексѣя Максимовича разбудилъ онъ. Смерти онъ не боялся и не испугался. Его ерть сигналъ казачеству. Проснитесь казаки!

Но въ этомъ выстрѣлѣ, если хотите, и угроза зачеству. Это историческій выстрѣлъ. Первый кой выстрѣлъ былъ данъ Кондратіемъ Булави-мъ, въ 1709 году. Онъ разбудилъ тогда каза-ство. Опомнились казаки, но было уже поздно. чего сдѣлать было нельзя. Тяжелую руку нало-ло царское правительство тогда на Донъ. Не збудитъ ли во-время казачество второй истори-кій выстрѣлъ, данный 29 января, атаманомъ единымъ?!

Если эхо, отголоски этого выстрѣла вы слы шите,—вы должны понять.

Вы должны понять сказанныя Алексѣемъ Мак симовичемъ слова:

— „Если бы мнѣ два полка... Да развѣ эт было бы!“...

Своего позора онъ пережить не могъ.

А мнѣ теперь остается немного: уйдти отсюда

Простите... не судите...

Вотъ и конецъ сказкѣ—о первыхъ избранн кихъ вольнаго Войска Донского и послѣдних дняхъ его Войскового Правительства.

Послѣднее литературное произведеніе М. П. Богаевскаго

29 января 1918 года.

Это число въ исторіи Дона останется навсегда.

Въ этотъ день, въ $2^1/_2$ часа дня кончилъ свои дни первый выборный Атаманъ Войска Донского, Алексѣй Максимовичъ Калединъ.

6 мѣсяцевъ и 10 дней былъ я при немъ въ должности товарища Войскового Атамана, и на свѣжую память теперь же считаю своимъ долгомъ разсказать, какъ все произошло.

Кромѣ засѣданій, я обычно видѣлся съ А. М. два раза въ день: утромъ приходилъ за распоряженіями и для освѣдомленія, а вечеромъ, въ 6—7 часовъ, докладывалъ о ходѣ засѣданій, работъ и т. д.

Въ экстренныхъ случаяхъ онъ вызывалъ меня изъ квартиры, и я зналъ, что случилось что-нибудь недоброе.

Такъ было и въ это роковое утро.

Пасмурный день съ вѣтромъ и холоднымъ дождемъ нагонялъ тоску; сумрачно было въ кабинетѣ А. М.; подавленъ и унылъ былъ онъ самъ.

Поздоровавшись, передалъ телеграммы, изъ которыхъ было ясно, что дѣла наши совсѣмъ невеселы: почти всѣ окружныя станицы въ рукахъ

большевиковъ, частей нѣтъ, Добровольческая Армія собирается уйти съ Дона, формированія дружинъ идутъ очень вяло.

А. М., познакомивши меня съ положеніемъ дѣлъ, потребовалъ немедленно созвать Объединенное Правительство.

До прихода членовъ правительства мы стали намѣчать вопросы для обсужденія.

А. М. сказалъ мнѣ, что его планъ сводится къ слѣдующему: въ виду полной невозможности, за отсутствіемъ людей, защищать Донъ,—сложить свои полномочія и принять мѣры къ тому, чтобы власть перешла въ руки какой-либо общественной организаціи, которая могла бы вступить въ переговоры съ большевиками, оградить въ городѣ порядокъ и не допустить до кровавыхъ расправъ.

Когда собрались члены пр-ва, А. М., стоя за своимъ письменнымъ столомъ, прочиталъ телеграммы, кратко познакомилъ съ положеніемъ на „фронтахъ“ и по области, а затѣмъ—почти буквально—сказалъ:

— „Положеніе наше безнадежное.

Населеніе не только насъ не поддерживаетъ, но настроено къ намъ враждебно.

Силъ у насъ нѣтъ, и сопротивленіе безполезно. Я не хочу лишнихъ жертвъ, лишняго кровопролитія; предлагаю сложить свои полномочія и передать власть въ другія руки.

Свои полномочія Войскового Атамана я съ себя слагаю“.

Затѣмъ онъ предложилъ безъ длинныхъ рѣчей намѣтить,—что дѣлать?

Я въ немногихъ словахъ дополнилъ сказанное А. М. о тяжести нашего положенія и также сложилъ съ себя полномочія, такъ какъ ни у А. М., ни у меня уже не было вѣры въ то, что соберется Войсковой Кругъ; жизнь Войска пришла въ полное разстройство.

Никто изъ членовъ Объединеннаго Правительства не возражалъ противъ такой постановки вопроса и такого рѣшенія: въ тотъ моментъ мы всѣ были убѣждены, что имѣя за собой около 150 штыковъ, которые держали въ своихъ рукахъ, главнымъ образомъ, дѣти гимназисты,—сопротивляться—значило проливать лишнюю кровь, вызывать жестокую расправу.

А. М. и всѣ мы считали невозможнымъ оставаться у власти, которую населеніе не признавало и относилось къ ней враждебно.

Но мы, все-таки, обязаны были кому-то эту власть передать. Остановились на такой комбинаціи: временно ее возьмутъ: городская дума, Новочеркасское станичное правленіе и военный комитетъ; они могутъ, по своему усмотрѣнію, привлечь и другія организаціи.

Были вызваны представители этихъ организацій и имъ было сказано рѣшеніе Объединеннаго Правительства.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ было рѣшено, что эти организаціи въ 4 ч. дня въ гор. думѣ устроятъ совмѣстное засѣданіе для выработки дальнѣйшаго плана дѣйствій.

Когда обмѣнъ мнѣній по поводу организаціи новой власти нѣсколько затянулся и принялъ неясныя формы, А. М. настойчиво просилъ говорить короче и, выходя въ другую комнату, съ горечью бросилъ фразу, что отъ болтовни и Россія погибла.

Около половины 2-го закончилось засѣданіе Объединеннаго Правительства, при чемъ постановленіе о передачи власти, редактированное А. П. Епифановымъ и 2—3 раза прочитанное, никѣмъ подписано не было; произошло это безъ всякаго умысла, второпяхъ.

Во время засѣданія А. М. былъ вызванъ по дѣлу.

Пользуясь его отсутствіемъ, В. В. Брыкинъ сказалъ небольшую рѣчь, въ которой характеризовалъ А. М., какъ большую государственную величину и настаивалъ на необходимости спасенія А. М. отъ самосуда большевиковъ. Члены правительства отнеслись къ этой мысли весьма сочувственно.

Въ это же время группа офицеровъ, независимо отъ правительства, принимала мѣры къ осуществленію этой же мысли.

Послѣ засѣданія объединеннаго правительства А. М. просилъ остаться Войсковое Правительство; членамъ его онъ далъ нѣкоторыя порученія, касающіяся денегъ, находившихся въ его распоряженіи. Это были деньги, предоставленныя разными, по большей части неизвѣстными лицами, въ безотчетное распоряженіе А. М., по его усмотрѣнію.

Абсолютно никакихъ казенныхъ и войсковыхъ денегъ, конечно, у него на рукахъ не было.

Мнѣ лично онъ передалъ пакетъ съ нѣсколькими десятками рублей, которые были найдены у него въ кабинетѣ на полу, и велѣлъ ихъ присоединить къ благотворительнымъ суммамъ.

Около половины 3-го стали расходиться члены Войскового Правительства.

Во дворцѣ становилось тихо и жутко. Я нѣсколько разъ хотѣлъ подойти къ А. М. и попрощаться съ нимъ, какъ съ бывшимъ Атаманомъ, но каждый разъ что нибудь мѣшало.

Я спустился внизъ, въ свою квартиру, но уже чрезъ нѣсколько минутъ былъ вызванъ крикомъ войскового есаула Г. П. Янова:

„М. П.! Алексѣй Максимовичъ застрѣлился!..„

Я бросился наверхъ, пробѣжалъ чрезъ большой кабинетъ и вбѣжалъ въ маленькую комнату рядомъ съ нимъ, гдѣ обычно жилъ братъ А. М. Посреди комнаты стояла деревянная небольшая кровать, а на ней лежало еще теплое тѣло Атамана Каледина. . . . . .

Когда наверху никого не осталось, А. М. видимо сталъ искать Марію Петровну, подошелъ къ столовой, гдѣ она вела дѣловой разговоръ съ посѣтителемъ, глянулъ въ дверь и быстрыми шагами прошелъ черезъ залъ и кабинетъ въ комнату.

Снялъ тужурку и шейный георгіевскій крестъ, легъ на кровать и выстрѣлилъ въ сердце изъ большого револьвера системы Кольта.

Пуля обожгла бѣлую рубаху, пронзила А. М. насквозь, прошла чрезъ тюфякъ и матрацъ, расплющилась о желѣзную рѣшетку кровати и была мною найдена на полу (передана въ музей).

Выстрѣла, благодаря коврамъ на полу, слышно не было, но въ комнату очень скоро вошли Марія Петровна и деньщикъ А. М.

Крикъ М. П. заставилъ чуть живого А. М. повернуть голову и слегка приоткрыть глаза. Но уже не было въ нихъ жизни.

На кровати уже лежалъ трупъ Атамана. Въ бѣлой рубахѣ, въ подтяжкахъ, въ казачьихъ брюкахъ съ лампасами и въ высокихъ со шпорами сапогахъ лежалъ онъ, слегка закинувши голову на подушкѣ и со скрещенными на груди руками. И никто ему ихъ не скадывалъ, а самъ онъ, очевидно, выстрѣливъ, имѣлъ силы такъ сложить ихъ, вытянуть ноги и выпрямиться во весь ростъ.

Лицо было совершенно спокойно, смерть наступила быстро и не терзала его такъ, какъ б мѣсяцевъ дѣлали это съ нимъ русскіе люди, а особенно донскіе братья-казаки...

На кровати рядомъ лежалъ большой револьверъ: онъ помогъ Атаману не дождаться звѣрской расправы большевиковъ надъ собою.

Уже не вѣрилъ Атаманъ своему великому Войску Донскому, не вѣрилъ, что донскіе казаки не выдадутъ его на расправу лютымъ палачамъ, не захотѣлъ допустить позора выдачи и поруганія, ибо „съ чистымъ именемъ онъ пришелъ, а съ проклятіями долженъ былъ уйти“.

Я пришелъ въ гостинную, окна которой выходятъ на востокъ: изъ нихъ видны займище, заонскія станицы и степи.

Плакалъ хмурый холодный день, а надъ Домомъ валъ за валомъ медленно ползли свинцовыя мне-черныя тучи, и не лѣтнія грозы съ теплымъ дождемъ онѣ несли: зловѣщія, жуткія—тянулись онѣ надъ Дономъ, и сулили ему горе, смерть и разореніе...

А эхо страшнаго выстрѣла уже гулко отдавалось по всему Дону, донскимъ степямъ и рѣкамъ, и ликовалъ врагъ, и торжествовала буйная казачья молодежь, и лишь старыя казачьи сердца чутко прислушивались къ этому эху и недоброе поняли они: донскіе казаки сами загубили своего лучшаго рыцаря — казака; перваго выборнаго Атамана.

Протяжно гудитъ старый соборный колоколъ: еще недавно звалъ онъ на вольный кругъ, а теперь, говорятъ, звонитъ онъ по душѣ Атамана—Алексѣя Каледина; говорятъ и другое: что звонитъ колоколъ похоронный звонъ по донскому вольному казачеству.

„А по-надъ Дономъ, въ часъ ночной, тихо рѣютъ тѣни прежнихъ атамановъ.

Славныхъ честью боевой“.

Въ ночь съ 29-го на 30-е прибавилась еще одна тѣнь, и алая кровь сочится у нея изъ сердца.

Это тѣнь атамана — мученика, Алексѣя Каледина. . . . . .

. . . . . .

Новочеркасскъ,
4 февраля 1918 года.

„Вольный Донъ“.

Начало фельетона

„Генералъ Корниловъ“.

(Изъ „Извѣст. Новочерк. Совѣта рабоч. и казач. депутатовъ“, отъ 28-го марта 1918 г.).

„Белый“ генерал, котораго знает вся Россия с августовской авантюры в данный момент с кучкой безсознательных проходимцев находится где то за Кубанью, в глухой деревушке, куда его загнали после взятия Екатеринодара Советския войска.

По сведениям газет и по сообщениям прибывающих с Кавказа, можно судить, что падение авантюры Корнилова не за горами, что окруженный со всех сторон он вынужден будет или сдаться, или погибнуть вместе с наемниками буржуазии.

Отступая последний раз из Екатеринодара, корниловский отряд, насчитывающий в своих рядах совершенно ничтожное число бойцов, по пути бросал обоз с продовольствием, фуражем, снарядами и патронами; он, обезсиленный и в конец измученный, уже не мог брать с собою награбленных запасов и отступал с тем, что могли унести остатки его банды. И этого понятно не могло хватить на долго, сидя в осажденной горной кавказской деревушке.

Такия обстоятельства и еще те, что некем пополнить сильно поредевшие ряды контр-революционных отрядов, повидимому и приблизили конец мерзкой корниловской авантюре и если еще не приблизили на столько, чтобы можно было эту авантюру считать ликвидированной, то во всяком случае—конец ея близок.

И в этом не может быть никакого сомнения...

Разсказъ полк. Дроздовскаго о своемъ отрядѣ.

Какъ извѣстно, войска Румынскаго фронта держались дольше другихъ и сохраняли видъ фронта. Когда и на Румынскомъ фронтѣ совершился большевистскій переворотъ, рѣшено было собрать изгнанныхъ изъ частей и преслѣдуемыхъ офицеровъ, а также и сознательныхъ солдатъ и создать изъ нихъ опору порядка въ тылу.

Постепенно кадръ отряда сталъ все болѣе и болѣе увеличиваться. Получили мы и матеріальную часть.

Сначала намѣчались крупныя цѣли и формированія предполагались въ широкомъ масштабѣ.

Но въ силу сложившейся фактической обстановки пришлось отъ этого отказаться и ограничиться болѣе узкими задачами.

Въ началѣ румынское правительство помогало намъ. Но вскорѣ оно стало намъ всячески вредить и ставило самыя дикія препятствія формированію отряда.

Нѣсколько разъ румынское правительство требовало разоруженія отряда,—и только отказъ добровольно сдать оружіе и угроза начать бой заставили румынъ отказаться отъ ихъ намѣреній.

Въ составѣ отряда преобладаютъ, но незначи тельно, офицеры.

Сейчасъ офицеры составляютъ примѣрно 65% всей численности отряда. Остальные—солдаты и добровольцы.

Въ нашемъ походѣ съ Румынскаго фронта было много интересныхъ эпизодовъ, о которыхъ можно написать сотни страницъ, но я ограничусь схемой движенія отряда.

Выступили изъ Яссъ 26 января, слѣдуя на Кишиневъ.

Отрядъ сосредоточился въ м. Дубоссарахъ (переправа черезъ Днѣстръ, Херс. губ.). Здѣсь то же мы имѣли большія тренія съ румынцами и съ Сфатулъ-Церіемъ.

6 марта впервые выступила въ походъ изъ Дубоссаръ конница.

7 марта тронулась въ путь пѣхота съ артиллеріей и обозомъ.

Путь отряда лежалъ на мѣст. Валегоцулоло южнѣе Ананьева и дальше—черезъ Бугъ, на Еленецъ и мѣст. Новый Бугъ.

Черезъ Бугъ переправились на паромѣ у Акъ-Мечети.

Послѣ переправы погода рѣзко измѣнилась.

Сначала снѣжная мятель, а потомъ дожди привели дороги въ отвратительное состояніе.

Въ силу этого отрядъ принужденъ былъ бросить сзади свою автомобильную колонну, до возстановленія дорогъ.

Такъ какъ погода поправлялась медленно, то автомобильная колонна двинулась впередъ, не дождавшись улучшенія дороги.

При переправѣ черезъ Гамаклею броневыя машины отдѣлились отъ колонны и пошли другой дорогой.

На грузовыя же и легковыя машины внезапно сдѣлали нападеніе банды большевиковъ.

При этомъ было убитъ 1 офицеръ и 3 ранено.

Подошедшіе на помощь броневики выручили автомобильную колонну. Раненые офицеры были увезены, и нападеніе большевиковъ отбито.

Весь бой продолжался минутъ 30.

Я остановился на немъ лишь потому, что большевистскія газеты раздули этотъ незначительный эпизодъ въ полное уничтоженіе отряда послѣ двухдневнаго кроваваго боя у М. Васіяцкаго, ссылаясь на захватъ автомобилей. На самомъ дѣлѣ, пройдя Васіяцкое, на полдорогѣ до Новаго Буга автомобили пришлось бросить изъ за страшной грязи.

Удалось вытащить на лошадяхъ 1 броневикъ и 1 легковую машину.

Это была первая потеря, понесенная отрядомъ.

Изъ Н. Буга отрядъ пошелъ на дер. Владиміровку, откуда круто повернулъ на юго-востокъ и перешелъ Днѣпръ у Береслава, гдѣ въ короткой схваткѣ, безъ потерь для себя, разметалъ банды большевиковъ.

Изъ Береслава отрядъ двинулся на Мелитополь, гдѣ въ началѣ апрѣля царили анархія и грабежи,

У ст. Акимовки отрядъ пересѣкъ желѣзную дорогу, отрѣзавъ Мелитопольскую группу большевиковъ отъ Крымской.

2 апрѣля на ст. Акимовка отрядъ имѣлъ столкновеніе съ большевистскимъ эшелономъ.

Послѣдній былъ уничтоженъ; захвачена крупная добыча.

3 апрѣля отрядъ направился къ Мелитополю.

Цѣпи большевиковъ пытались сначала атаковать отрядъ, потомъ лишь задержать наступленіе, но были разметаны одной нашей конницей, безъ ввода въ бой пѣхоты.

Въ этомъ бою большевики потеряли больше 30 чел. убитыми, наша же конница имѣла лишь одного раненаго.

3 апрѣля, между 1 и 2 час. дня, мы вступили въ Мелитополь, восторженно привѣтствуемые населеніемъ, встрѣтившимъ насъ оваціями, выславшимъ намъ хлѣбъ-соль и депутацію.

Кстати,—большевики еще 8 апрѣля писали, что Мелитополь прочно занятъ совѣтскими войсками, хотя мы вошли уже 3-го.

Послѣ отдыха въ районѣ Мелитополя, отрядъ 9 апрѣля выступилъ на Бердянскъ, гдѣ въ это время шла борьба инвалидовъ съ большевиками.

Призываемый на помощь инвалидами и населеніемъ Бердянска, которое разстрѣливалось матросами артиллерійскимъ огнемъ съ моря—отрядъ въ 2 сутокъ прошелъ 111 верстъ, прибывъ въ Бердянскъ на разсвѣтѣ 11 марта. 15-го отрядъ прибылъ въ Маріуполь. 18 апрѣля отрядъ выступилъ изъ Маріуполя въ станицу Новониколаевскую, куда

шелъ на призывъ казаковъ помочь имъ окончательно раздѣлаться съ полчищами грабителей и насильниковъ.

Восторженно встрѣченные казачьимъ населеніемъ станицы, мы очень хотѣли подольше задержаться въ первой станицѣ Войска Донского.

Но обстоятельства вынуждали идти дальше.

Безъ остановокъ отрядъ шелъ къ Ростову.

Въ ночь подъ Пасху отрядъ атаковалъ большевиковъ, занимавшихъ ростовскій вокзалъ и съ поддержкой артиллеріи, почти безъ потерь, овладѣлъ вокзаломъ и сосѣдними районами, пройдя разъѣздами до самой Нахичевани.

Ночью обстановка сложилась такъ, что городъ можно было считать въ нашихъ рукахъ.

Раннимъ утромъ 22 апрѣля стали прибывать эшелоны большевиковъ съ Новочеркасскаго направленія.

Большевиками былъ открытъ сильнѣйшій артиллерійскій огонь громадной артиллеріей, до 6-дюймовыхъ включительно.

Огонь тяжелыхъ орудій велся съ „Колхиды".

Большевики стрѣляли крайне безпорядочно, почти не поражая живыхъ цѣлей, но зато не щадя мирныхъ жителей и нанося большія потери пригородамъ.

Силы большевиковъ, какъ попрятавшихся послѣ первой неудачи въ городѣ, такъ и прибывшихъ изъ Новочеркасска, доходили до 8—12 тысячъ. Они имѣли 6 артиллерійскихъ батарей.

Въ составъ большевистскихъ силъ входили ...тышскіе стрѣлки, матросы гвардейскаго экипажа; ...тальное составляла красная гвардія.

Не желая рисковать большими потерями, ...для бой въ большомъ городѣ, противъ ...превосходящихъ числомъ и артиллеріей большевиковъ, было рѣшено немедленно вывести всѣхъ ...въ полѣ, гдѣ уже никакое превосходство въ силахъ не могло бы дать большевикамъ успѣха.

Но выводъ увлекшейся борьбой пѣхоты оказался дѣломъ нелегкимъ; только часамъ къ 3-мъ дня послѣдніе стрѣлки отряда вышли изъ подъ-огня.

Это былъ первый случай болѣе значительныхъ потерь: отрядъ потерялъ 81 чел, изъ нихъ 10 убитыми. (Большевики сами опредѣляютъ свои потери въ 8000 чел., изъ нихъ 1000 убитыми).

При выходѣ изъ города была потеряна часть обывательскихъ подводъ изъ обоза, которыя, ввиду отсутствія военной дисциплины, не успѣли выйти изъ подъ-огня.

Отрядъ сталъ 22 апр. въ раіонѣ ст. Чалтыръ, гдѣ получилъ первыя свѣдѣнія о взятіи казаками Новочеркасска и связался съ Походнымъ Атаманомъ.

24 апрѣля, въ 2 часа дня, по приказанію Походнаго Атамана отрядъ выступилъ на Каменный Бродъ, для помощи, казачьимъ частямъ стоявшимъ въ Новочеркасскѣ, а 25-го вступилъ въ Новочеркасскъ.

b